Александр Приб

Самочищение

или

Сарказм – к покаянию путь

Германия 2015 год

<u>Элите нашей, дерущей друг друга за чубы, посвящается</u>

ЧЕКа явилося к Эзопу
И хвать его за ж....у.
Смысл этой басни ясен -
Не надо этих басен...

<u>Вместо предисловия</u>

Да здравствует тупость,
глупость и мы?..

Да здравствую я, да здравствуем мы,

Которые буд-то бы в клумбе цветы
В порыве едином цветем пустоцветом
И козлобородого славим при этом.

Давно уже клумба наша сгинела,
Но нет нам какого бы ни было дела
О том, что давно мы пропахли говном
И славим рогатого буд-то бы в нем

Вся сила, могущество, воля и власть.
Сегодня, что б чуточку пожить во сласть,
Ему мы на откуп людское призванье
Отдали на п*о*смех, позор, поруганье.

Мамоне порхатой, парнокопытному
Служим мы брюхом своим ненасытным.
Дух наш святой оторвался от тела,
Дьявол забрал у нас то, что хотелось.

Забрал у нас совесть, честь и любовь,
А дал нам в замен сатанинский покров,
Который стал саваном смерти и тлена,
Не знал человек удушающей плена,

В который загнал себя алчной корыстью,
Загнал, одержимый пагубной мыслью
О том, что нет бога кроме меня,
И служит вращеньем мне(!) эта Земля.

Сломалась программа, что в генах была,
Любовь истончилась, корыстью взошла,
Сердца наши шерстью покрылись, душа
В крике зашлась, в небеса отошла.

Нет человеков, остались лишь тени,
Мерзость удел наш и откровенье.
Сможем ли мы от коросты подлючей
Чресла отмыть свои или в падучей

Нам суждено умереть в одночасье
С нашим уродливым призраком-счастьем!
Где же ответ нам, несчастным найти,
Как между бесов постыдных пройти?..

Магтенс культурный

<u>Сказ</u>

о великой немецкой культуре, к счастью всех немцев на свете сохраненной в суровых таежных сибирских краях Геней Магтенсоном

***

Есть на свете земля несчастная,
Немытая, нечесаная, бесстрастная,
Соседями понукаема, богом забытая,
От культурного влияния наглухо закрытая.

Живут в той стране людишки, горе мыкают,
Беду на себя день и ночь кликают.
Нет у той страны ни прошлого, ни настоящего,
И не знают несчастные слова вящего.

Но не все так горько и печально,
Есть на свете народ уникальный,

Он германцам родственник дальний -
«Русский немец» - братишка названый.

Надоело жить ему в кругу лапотном,
И пошел он со двора родного табором.
Долго шел дорогой длинною
И пришел-таки в землю былинную,

В Землю-матушку обетованую,
Средь болот и лесов богом данную.
Ох, давным же давно то все было,
В незапамятно времечко происходило.

А землица та была Тартарская,
Не кака-нибудь, знамо, царская.
Получил тот народ благовестие
Жить тут-ка хош до вторага пришествия.

Лирическое отступление номер один.
Исполняется в ритме гопса-польки:

***

Фольга, Фольга, Мутер-Фольга,
Ох какой хорош река.
Мы танцуем, мы танцуем,
Все танцуем гопака.

С нами Магтенс, с нами Магтенс -
Гордость наша и краса.
Он единственный наш шансес,
Без него совсем тоска.

Он наш зихер, он наш зихер,

В бескультурье не живем,
Мы с культурой, мы с культурой
Спать ложимся, и встаем.

Оп-ля, Тру-ля-ля,
Начианем все с нуля!
Оп-ля, Тру-ля-ля,
Дроля милая моя!

***

И начал тот народ свою нову историю
На прежнюю горемычную непохожую.
Он работал в поле с утра до ночи,
Не канючил, не просил помочи.

Знамо дело прошли долги столетия,
И народ тот был славой отмеченный.
Окрестьянился, окультурился, ласков был,
Но особливо с молоду он спивати любил.

Как отставит бывало мужик плужок в сторону,
Да как запоет песню с сельчанами хором он,
Да как закружится в хороводе весело,
А сарафаны вокруг их женок веером.

На кардионе любил польку сыгрывать,
Да на мандолине в такт ему подыгрывать.
А еще песню люди те сложили классную
Про реку Волгу с большим вассером.

Лирическое отступление номер 2.

***

Расцвела наша культура
Средь лесов и средь болот,
Шире Фольги, шире Фольги
О ней славушка течет.

Танцен, танцен - наша счастье,
Музик - наш аккордеон,
Веселимся и танцуем,
Самагонка вдофоль пьем.

С нами в круг пожалуста
Становитесь, госпота!
И коряк и эскимос,
А не то получишь в нос.

Оп-ля, тру-ля-ля,
Начианем все с нуля!
Оп-ля, тру-ля-ля,
Дроля милая моя!

***

Зажили они припеваючи, труд с песней перемежаючи
Да детишек своих к культуре приобчаючи.
Были русски немцы всегда дружны веселы,
Долго жили пока на Волге стало тесно им.

В их немецкой культуре избыток настал,
Так ее много было, что даже аппетит пропал.
И судили-порешили за немцев русские,
Что б несли они культуру в дебри тунгусские.

И ушли их с Волги-матушки в разны стороны,

Кого в Бурятию, кого в Мордовию да с иконами,
С кардионами, мандолинами, фортепьянами,
И от новой долюшки были они словно пьяные.

И взялись они в дебрях диких нехоженных
С тройной силушкой землицу пахати, зерно сеяти.
Не желели они, не плакали о годах прожитых,
Потому как заданье им было добро деяти.

Так-от долго они по Тартарии скиталися
Что по Волге-любавушке вконец исскучалися,
И что-то имя уже все хужей заспивалоси,
Надорвался народец, душой ослабилси.

А в Москве-то это горе увидели, озаботились,
Что охляли русски немцы, танцы забросили.
А без танцев без песен всяка работа с рук валится,
Земля с трудом пашется, коровенка не даится.

И нашли в Москве власти, по сусекам поскребыша,
Немца русскага Геню Магтенса – добра молодца.
И дали они ему заданье нелегкое, ой нелегкое, но отважное -
Ренимировать душу грешну немецку - дело важное.

Дали ему кабинет како-никакой пред Кремлем каменным
Да печать здоровущу, а оклад тощий, маненький,
Будешь ведать, грят, ты культурою, культурою немецкою,
Хватит тебе словно Мурому убогому сидеть за печкою.

Завздыхал Генюша тяжко, а что ж поделати,
Надоть в тунгуссиях каторжных песнь налаживать,
Сарафаны цветны шити, раскрашивать
Да новы песни писать-сочинять, разучивать.

Лирическое отступление номер 3:

Сарафаны, сарафаны,
В сарафанах молдаване,
Между ними Магтенс пьяный,
Наш немецкий культурянин.

С бодуна иль с полупьяну
Перепутал культурянин
Молдованок с черной бровью
С немками с великой Волги.

Ну бывает - бес попутал,
Но зато он всех пощупал.
Вот такая вот культура -
Ка бы баба была дура!

Оп-ля, тру-ля-ля,
Начианем все с нуля!
Оп-ля, тру-ля-ля,
Дроля милая моя!

И пошло у Генюшки дело важное хлопотное налаживаться,
Да никто ему из немцев сердешных перечить не отваживался.
Как послал он своих гонцов-скороходов во все стороны,
Да с песнями новыми, балалйками, кардионами.

И ожили немцы тунгусские, речь германску вспоминаючи,
Залопотали вновь на наречиях да на гармонях играючи,
А песни волжански от Гени заслышав, приободрилися
И спивать изновь стали, в сарафаны в горошек повырядилися.

И работы у них, глядишь, вновь заладились,
Коровенки молока поприбавили - трудно учитывать,

Крольчихи, было попритихшие, животами пухнуть начали,
Поголовье свое день ото дня стали увеличивать.

Вызывают тут-ка Генюшу в палаты белокаменны
К высокому начальнику со взором пламенным.
Говорят ему там-ко слова добры, ласковы,
Мол, с заданьем нашим справился классно ты,

Вот тебе медалька, друг ситный, из золота,
Ты служил нам кривдой-правдой смолоду.
А еще возмешь у казначея награду славную -
Тридцать серебренников из казны тебе жалую.

А люди, что в германиях живут, волжанцам завидуют:
Это же где таки дела неправедные виделиси,
Почему в тунгусиях своих они больше нас ведают,
А мы тут, как ходили немыты так и не умылиси?

А Генюша, не будь дурак, им ответ дает правильный,
Я, грит, помочь вам завсегда радостный.
Вот тряхните вы свою мошну с золотом толстую
Да отсыпьте мне от щедрот своих малу толику,

И научу я вас уму разуму, в сарафанах ходить будете,
На кардионах играть научу, век меня не забудете,
Танцам обучу, песням, польку сплясывать,
Вы Европам о счастье своем буде рассказывать.

Лирическое отступление номер 4:

Закружилась, закружилась
В танце бешеном толпа.
Это полька, это полька,

Это полька гоп-ца-ца.

Все поют, и все танцует:
Немец, манси и якут.
Весело, люди ликует,
Хлеб жуют и фодка пьют.

Немец из Берлина тоже,
Не умел еще пока,
Но старается как может:
Выдавает гопака.

Оп-ля, тру-ля-ля,
Начианем все с нуля!
Оп-ля, тру-ля-ля,
Дроля милая моя!

Готя-Балтийский

<u>Фантазия</u>

о том, как у Готи Хама – родилась программа,
согласно которой русский Калиниград
снова будет немецким Кенигсбергом.

***

У фантазера Геры Хама
Родилась программа -
Руссишес Калиниград
Снова дойчес должен стать.

Хватит плакать нам в жилетку
Объявляем пятилетку,
Мы норманы или хто?
Ну не кони же в пальто!

Фольга, Фольга – наша мама
Надоела ты уже нам!
Прежние проекты херим -
Мы хотим янтарный берег!

Ялта всем нам не указ[1] -
Это раз!
Потсдам[2] - это чепуха!
Ха-ха-ха!

Немцев всех из Казахстана
Завезем зараз туда мы.
Из киргиских из степей
Завезем мы землячей.

И таджики делу в лад
Могут сделать тоже вклад.
Отдадут таджикских немцев,

---

[1] *Имеется в виду Ялтинская конференция 1945 года, на которой было принято решение отторгнуть от Германии Пруссию и поделить ее между СССР и Польшей.*
[2] *В Потсдаме (1945) утвержден очередной передел Европы и Кеннингсберг отошел к СССР .*

Кто же против дивидентов?

Скажем им, что янтарем
Мы убыток им вернем.
Боос не даст, а хто он есть?
Он не ставленник с небес,

Наш обычный меннонит,
Скажем - смирно! - и стоит
В ожидание приказа,
Высочайшего указа.

А указ будет простой:
Немцев пустишь на постой
На балтийские ты бреги,
А то вывезут в телеге!

Ты боисься президента!?
Брось, окстись, с того момента,
Как письмо от Готи Хама[3]
Получил он из почтама,

Весь он наш душой и телом,
Понимая, что за дело
Предложил мудрейший муж
По спасенью родных душ,

Что зачахли на чужбине,
Впали в ступор и унынье.
Мы же, пышащие жаром,
Вдохновения угаром,

---

[3] *Готя, Гера, Гоша, Герхард,*
а можно и Егор.
Это все имена одного корня

Им построим райску жизнь.
Вознесемся вместе ввысь
Мы в заоблачные дали.
Ведь не зря мы все страдали

В той империи подлючей,
Злой, паскудной и вонючей.
Мы таперча демократы,
Немцы, русские – все браты!

Будем жить одной семьей,
А Обама наш родной.
Будет он, конечно, старший,
Покровитель величайший.

Благостной своею дланью
Обеспечит постоянный
Мониторинг наших дел,
Не допустит беспредел.

Лизавета же английска,
В умилениях пребывша,
Нас рукою королевской
Призовет к высокодейству

В области сельхозработ
Меннонитский наш народ.
Мы же, буде благодарны
Тем заботам от Державных,

Все засучим рукава,
Плуги в руки и айда
Землю прусскую былинну
Наполняти изобилью.

Даже Беня-Парагвай[4]
Вдруг поймет, где истый рай,
И снарядит пароходы
От Захода на Восходы.

Экзотический орех
Станет достояньем всех,
Будет нужным элексиром
Для убогих и для сирых.

Не пройдет и пяти лет,
Засияет новый свет.
Веры свет и изобилья
Над балтийскою идильей.

Прибалтийские брега
Прврратяться в берега,
Где молочны реки плещут,
В них пудовые подлещки.

«Меннонитов то заслуга» -
Выбито на камне будет.
Хамский Готя без сомненья
Строго будет в воскресенье

В поминальниках церковных
Поминаться как духовник,
Основатель райской жизни,
Будет зваться он «Балтийский»

Меннонитов светоч славный,

---

[4] *Былинный меннонитско-индейский богатур (богатырь) из парагвайской провинции Чако.*

Вождь духовный, самый главный.
Век народы не забудут,
Кто подвиг их к тому блуду.

***

Блуд духовный или плотский
По природе - он не робкий:
Будь то черти - за рога!
Будь то бабы - до нага!

Если вдруг проект народный,
То не значит – благородный.
Провокаторов везде
Нам хватает и в п...е

Их так много, верь не верь
Три шестерки - этот зверь
И найдет себе он место
В хлебе и в пасхальном тесте.

Пакость разведчика

О том, что

Провокаторы следом за нами идут,
Хотя их не звали, они все же тут.
Под псевдонимами всякими разными
*Кро**я**т они дела безобразные.*

***

В любом государстве професси есть,
Которые прячет оно стыдливо,
Поскольку, ну, кто же захочет сесть
Например, за стол со скотом зоофилом.

Или с сексотом-осведомителем
Будет ли кто-то трапезу делить?
С тем же завистником мстительным,
Под крышей единой захочет кто жить?

Конечно же нет, потому как люди
Друг дружке хотят доверять,
А потому в свои близкие круги
Стараются мразь не допускать.

Это препятствие должно учитывать
Ведомство тайное в каждой стране,
И чтобы провалы свои не испытывать,
Прячут агента лицо в паранджe.

***

Есть среди этого грязе-отребья
Племя одно, самое вредное,
Имя ему «провокатор-безродный»,
Средь агентуры очень уж подлый.

Этому крыша нужна специальная -
Двойная, тройная, неординарная.
Скажем, ну кто же подумает вдруг,
Что твой начальник враг, а не друг.

Вот он директор, возьмем для примера,

Умен, вездесущ, как ему не поверить?
Нет ему равных по выплавке шин
Для многотонных автомашин.

Его к вам прислали с самого верха,
Сказали, что все вы должны ему верить,
Слушать его и ему доверять.
Он вам теперь, как отец и как мать.

Тот, кто поверил, попался в ловушку -
Все его мысли теперь на прослушке.
Ты к пахану за советом пришел,
А он к тебе тут же подходы нашел:

«Послушай, Ванюша, тебе лишь откроюсь,
Власть не люблю, и того я не скрою
Ни от тебя, ни от тех, кто с тобою
Тоже ее по-матушке кроет.»

Ваня поверив директору-папе
В тон ему всех, кто повыше, обкакал.
Не только про власть, что глупа и фальшива
Но и про Петьку: «Ворует, паршивец!»

Ванька наплел с горяча и от сердца,
Думая, «Вот, мол, подсыпал я перца!»
Правда, к утру «Воронок» уволок
И Петю, и Ваню, но им невдомек,

Что их папаня-директор – стукач.
Хватились, но поздно, смейся иль плачь.
Это уже никого не волнует,
Папа-директор колоду тусует.

Живет провокатор и процветает,
Тридцать серебренников получая.
Заслуги его на скрижалях спецслужб
Пишет и пишет усердный главбух.

Годы идут, годы проходят,
Совесть директора вовсе не гложет,
Он попривык ходить в паранджe
Слава сексота под ней, в ниглиже.

Видят его все в одежде повсюду,
То, что под ней, знают спецслужбы.
Вот уже вместе с изгоем-народом
Дела свои мерзкие он хороводит

В новой стране, куда волей спецслужб
Был он внедрен для специков нужд.
Бывший директор, согласно легенды,
Стал воплощением народной надежды.

Чтобы народ ему искренне верил,
Выкрестом тайно он стал между делом -
Был православным по прошлой легенде,
А стал вдруг баптистом буквально на медни.

Жить средь людей неприкаянных судеб
В новой стране, где не знают, что будет
С ними сегодня, а завтра тем более,
Должен он их подчинить своей воле.

Задача простая стоит пред «пророком» -
Людям несчастным внушить ненароком
Мысль простую: «Куда вы приперлись!?
Здесь вас не ждали, вы здесь утерлись

Соплями, слезами и здесь вам не место,
Сделаны вы не из этого теста.
Должны вы вернуться назад в те пенаты,
Где вас любили, то есть, до хаты.

Поймите, глупышки, там только рай!
Пример? «Милорадовка» - радости край.
Лишь там только с телом и духом живут
В полном согласии. Пряник и кнут

Есть ваш удел, вожделенна мечта.
Вот где счастливою станет душа.
Пакуйте баулы и чемоданы,
Пока что не поздно, но и не рано.

Я же вам верный путь укажу,
Отправлю в дорогу, а сам подожду.
Ну, а когда обоснуетесь прочно,
Прибуду и я к вам, но только заочно.

И пишет и пишет и пишет стервец
В газеты, журналы, ну полный п.....ц!
Откуда-то слов нахватался премудрых,
Елеем ласкает он слух неразумных.

И где ж научился он песни петь эти
О родине малой, что ждет и приветит:
«Отдайся лишь ей, вернись же назад
И родина вам расцелует весь зад!»

Щедр провокатор на мысли и слово,
На каждый вопрос он ответить готовый.
Ему палец в рот не клади, ведь откусит,

Живым из объятий своих не отпустит.

Русских, татар провокатор жалеет,
Льёт слёзы по туркам и по евреям.
Не жаль ему только «свою» немчуру,
Считает, что мало их гнули в дугу.

Что лагерь им был вместо курорта,
Где немцев спасали от жуткого фронта,
А слово «фашист» ласкало им ухо,
И жили они там на сытое брюхо.

И вот он сегодня немцев зовет
Вернуться туда, где извелся народ,
Где мощи людские гниют без могил,
Где выживал наш народ, а не жил.

***

Дел провокаторов не перечесть,
Больш*а*я таким от дьявола честь.
Служат ему они правдой и верой,
Сея смятение полною мерой

В душах людских еще неокрепших
С давних времен ветхозаветных.
Действуют дерзко, сплоченным кагалом,
Зла от них л*ю*дям досталось немало!

И будут меж нас искусители-змеи,
Пока мы мозгами не повзрослеем,
Пока не поймем, что зерн*а* от плев*е*л
Мы не получим, кто бы как не хотел.

А, чтобы здесь воду они не мутили,
Отправить их нужно откуда прибыли
И органам доблестным на руки сдать:
«Возьмите спецфонд свой обратно назад!»

Беньямин-Парагвайский

О Черте рогатом, о Бене богатом,
о сумрачных душах и о «капусте».

***

Беня жизню прожигал,
Когда черт ему сказал:
Что ты ходишь, как теленок,
Неужель не хошь денжонок?

Это я-то не хочу!?
Да я в золото мочу
Превратил бы, если б мог,
Да не дал мне мозги бог.

Бог не дал, поскольку враг
Нам с тобой. Его в овраг.
Без него решим задачу,
Ну, конечно, коль заплатишь.

Чем тебе я заплачу,
Даже, если захочу?
Денег нет, вчера в каз*и*но
Проиграл кругу-вражине.

Подлый гад такой попался,
В пух и прах я проигрался.
Застрелиться аж хотел,
Да патрон вот отсырел.

Че удумал, Беня, право,
Да не жить тебе у рае!
Думать брось про энто дело.
Твое время не приспело.

Не печалься ситный друг,
Мне идея пришла вдруг,
Если ты поймешь затею,
Будешь в злате не потея.

Беня рот разинув слушал,
Черт же шепотом на уши:
Вот дошла до меня весть,
Что лохов кругом не счесть.

Взять, хотя бы, мунимитов,
Много их кругом немытых.
Головешки вроде есть
А в мозгах их недовес.

Ты ведь сам того же роду
Должен знать эту породу
Деньги любят как и ты,
Вот ты их и раскрути.

Я бы рад, идеи нет!
Ну, а черт ему в овет:

Не твоя это забота!
За тобой будет работа.

А идеев, извини,
И касаться не моги.
Место есть в твоем калгане,
Токмо что для тараканов.

Слушай, не перебивай
И моим речам внимай:
Засылай собратьям сватов,
Мы поманем их за златом.

Есть за морем-окияном
Чисто ад для окаянных.
Чертыхаем он зовется
Бог о нем уж не печется.

Ты отрадясь не веришь в боги,
Хвост в штаны, туфли на ноги,
Что б копытцев не узрели,
Станешь ты миссионером.

Поведешь ты в «рай» земной
Мунимитов за собой,
Там жарища полыхает,
Но они того не знают.

Назовешь то место раем,
Скажешь им, что не задаром
Ты старался для него,
Для народа своего.

Мол, ухлопал кучу денег,

Влез в долги, но что поделать,
Коль любовь к нему рекой
И не мил тебе покой.

Как навешаешь лапши,
В списки всех их запиши.
Конкурс меж имя устрой -
Платит больше, значит свой!

Фокус в том здесь состоит,
Что земелька та лежит
Среди глины и болот,
Пустишь ее в оборот.

Поднапустишь больше дыму,
Что растут там, дескать, дыни,
Макадамии орехи
Бедным людям на потеху.

Пусть земельку они купят,
Важно подороже втюхать -
Вход за рубль, выход два
Ведь на то и голова...

Скажешь им ты без сомненья,
Что другого нету мненья,
Кто последует за мной,
Обретет тот рай земной.

Люди глупы до безумья,
Время нету для раздумья.
Мысль словил мою, Беньян?
Бей скорее в барабан.

Строй в походные колонны
Рать в погоню за Мамоной,
На корабль ее сажай
Ведь пора снять урожай!

Через море-окиян
Поскорей вези Беньян
На другой земли конец
Для острижки всех овец.

Сей проект расчитан славно,
Эт тебе не с неба манна!
Растопыривай карман,
Пока масть идет, братан.

В Чертыхай людей везешь,
А назад доллары прешь.
Чем плохой, скажи, гешефт?
Для гарантий - я твой шеф!

Мысль славная, братишка!
Это не игра в картишки.
Но, чертила, ведь не даром
Ты окрылся мне сакралом?

И наверное запросишь
Золотишка кило восемь?
Нет, Беньян, злата не надо,
Мне душа твоя - пригляда.

Душу мне свою в заклад
Ты отдай и будешь рад.
Ведь без совести и чести

Жизнь милее и чудесней.

Да, кому я говорю!
То в тебе я и ценю,
Что не жалуешь народ,
Ты давно созревший плод.

Из моих чертогов славных,
Огнедышащих, вулканных.
За тобой давно слежу,
Хитрован ты, погляжу.

Так, что, паря, не ломайся
С предложеньем соглашайся.
И давай-ка баш на баш -
Душу мне, тебе лаваш.

Есть на золоте ты будешь,
И меня век не забудешь.
А душонка, тьфу, твоя
Ведь не стоит ни х...

Черт, меня ты притомил
И уже уговорил.
Я давно, ядреный хрен,
Согласился на обмен.

Забирай ты мою душу
Не хочу тебя я слушать.
Время нет, людишки ждут,
Ждут, когда их поведу.

Поведу на край земли
За мечтой, где короли

Не мечтают о богатстве.
Ох, создам же я там братство!

Усмехнулся черт рогатый
И исчез, видать до хаты
Бес поперся, что бы там
Заключить душу в капкан.

Так сбылась мечта Беньяна -
Стал богатым, хоть с изъяном,
Нет души у бедолаги,
А зачем она для скряги?

***

Много их в подлунном мире,
Манимых халявным сыром.
Забывают они вдруг,
Куда головы суют.

Сыр дармовый в мышеловке
Был придуман очень ловко
Теми, кто давно охоту
Превратил в свою работу.

И летят, как мотыльки
Люди в шелковы силки.
Ловцы душ пасут их стадо
Лучшей доли им не надо.

Стукач по призванию

О многотрудной жизни идейного стукача, которая с прискорбием посвящена студентами своему профессору за особые заслуги перед спецслужбами

***

В суровых степях Казахстана
В немецкой ссыльной семье
Родился сынок без изъяна,
Красив был, а умный вдвойне.

Взрастал он под песни акынов,
Под ржанье степных жеребцов,
Любил он кумыс пить из крынок,
Внимая словам мудрецов.

Мальчишка был доброго нрава,
Читать и писать разумел,
Соседи считали, что слава
Его непременный удел.

С мальства аксакалы любили,
Ту мудрость, что в Моте была
И между собой говорили:
- Умен, ну, кабуд-то мулла.

А в школу пошел, так и вовсе
Прилежностью всех покорил.
- Учись мой сыночек, готовься
Быть первым! – отец говорил.

И мальчик старался, учился,
Был лучшим в ученых делах.

К наукам он поприобщился,
Сильнейшим стал в языках.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога,
Но особенная страсть
Была в нем - кого б закласть.

***

Где-то эдак в классе пятом
Вдруг заметили ребята,
Что не делай тет-а-тет
Уже больше не секрет.

Все становится известно
По округе по окрестной:
Кто чего у кого слямзил,
Кто кому по морде смазал,

Кто стащил у мамки с папкой
Из кошелки сайку сладку,
Кто сказал, что их учитель
Чмырь тупой, кривой мучитель.

Удивляется аул,
Что же это за гяур
Разлагает коллектив,
Может быть зловредный див?

Нет, то Мотя-комсомолец,

Он совсем не богомолец
И не верит в чертовщину,
В нем сидит энта причина.

Не учили папа с мамой
Жить наветом и обманом.
Ту идею сам сынок
В голове своей испек.

Понял вдруг отличник Мотя,
Хоть начальству нету счета,
И все носят портфели,
А без информации нули.

Мотя им помочь готов,
Здесь не надо много слов.
Друга нежно заколбасить,
Чтобы знал, варнак, кто в классе

Всех умней и всех хитрей.
В нем нуждается Михей
Околоточный начальник,
При погонах, хоть охальник.

Он без Моти никудой,
Он без Моти, как слепой.
Мотя все ему расскажет,
Мотя недруга укажет.

А Михейка тут как тут,
Наган в праву, в леву кнут
И давай дубасить всласть.
Ведь на то она и власть.

В обчем намертво сдружились,
Хороводились, водились
Ученик и мент хромой,
Словно черт и домовой.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога,
Но особенную страсть
Он испытывал пред власть.

***

Вот прошли года, умчали,
Новые дела начались.
Мотя школу окончав,
В Красну армию попав,

Снова стал стучать на всех,
В том и был его успех.
«Старшина, подлючья суть,
Не дает мине уснуть,

Потому как вурдалак
Пил в вечор армян-коньяк,
Обмывал паскуда сделку -
Пропил ротные тарелки».

Он стучал не уставая
На ефрейтора Маклая,
На заправщика Федота,
На помвзвода, на комроты.

Генералы за старанье
Повышают Мотю в званьи -
Стал ефрейтором дозорным
Он на поприще позорном.

Стукачи бывают разны,
Но однако, все заразны.
Заведется в коллективе -
Будут вечно в мыле выи.

Мотя был стукач идейный -
За державушку радел он,
Хотя был и беспартейный,
Но понятия имел.

С кондачка он не колбасил
Не стучал, и зря не квасил.
Все в нем зрело по ранжиру,
Кто и сколько спер инжиру -

Одно дело генерал,
И другое, как капрал
Вдруг протянет свои грабки
На котловые закладки.

Генералы в нем ценили
Его мысль и шустру прыть,
И, когда домой пустили,
Дали ксиву, чтобы жить

Он и дале на гражданке
Мог доверенным лицом,
Быть идейным, и в охранке

Не ударил в грязь лицом.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога,
Из военных дембельнясь,
Он к студентам пристрастясь.

***

Заручившись грамотешкой,
Письмами и резюме -
Дескать, нет Моти надежней
Во великой во стране,

Мотька с ходу в институт
Написал, а там уж ждут.
Без него никак не можно,
Без него ведь жить тревожно.

Ну, как вдруг подлейший враг
Притаился, сник, заляг.
Средь студентов иль ученых
Умных много, а толченых

В ступе бдительности нет.
Вот и полный вам ответ.
В обчем, в целом и уместе
Мотя стал, как был, на месте:

Сам на лекциях сидит,
А душой и сердцем бдит,
Кто и где какого мненья,

Нет ли у кого сумленья

На счет партии родной,
Не желает ли войной
Затаившийся вражина
Отобрать хоть пол-аршина

У великой у страны,
Где мы все урождены,
Где начальник и стукач
Как топор и как палач.

Надо бдеть, а вдуг как мразь
С тыла вздумает напасть?
А то вдруг еще похлеще
Скажет власти: «Ты не к месту!»

Здесь дозорный бди и бди,
Чтоб, которые враги,
Не добрались до кормила,
Чтоб страна не своротила,

Вкривь и вкось, чтоб не пошла
Моти служба, ой, нужна!
Мотя службу свою знает,
Без него и пес не лает,

Потому как не впопад
Если гавкнет, то оклад,
То бишь сахарная костка,
Мимо носа пронесется.

А у Моти костей этих -
Можно собирать скелеты.

Мотя наш не гордый парень,
Он готов хоть и задаром

Службу верную нести,
То ж не улицы мести.
Стук налево, стук направо
А в итоге парень бравый.

Вот диплом он получил,
Литератором прослыл,
Запятые уж в доносах
Где попало не лепил.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога.
Из студентов в аспиранты,
А куды ж девать таланты?!

***

А в конторе уважали
Мотин каллиграфион,
Руку жали, обещали,
Что в итоге он погон

На плечо свое могутно
Без сумления получит,
Только вот еще с десяток
Должен заложить он браток.

Ну, которые из энтих
Психопатов-диссидентов,

Те, которые все мутят,
Те, которые получат

Каждый в свое время срок,
Аль на ногу номерок,
Если шибко нам докучат.
Не беда, если замучат

Прохиндеев – много их.
Только речь-то не о них.
Не прошло и пары лет
Мотя наш ученый-свет.

Защитился он на славу,
Не сказать, чтоб на халяву,
Ну конечно помогли,
Кто к учености вели.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога.
За границу в дальний путь
Корабли его плывут.

***

Мотя наш ученый-дока
При портфеле и в пенсне
Любят все его, а скока
Жить ему наедине

Со своими-то мыслями,
Что так распирают суть.

Написал письмо она маме:
«Скоро отправляюсь в путь.»

Путь его лежал в загранку,
В Гумбольд-Уни бай Берлин.
Дали Моте нову шансу,
Это вам не спекти блин.

Должен Мотя между делом
В донесениях своих
Рассказать о беспределе,
Что творится в мозгах их.

Мотя начал без кокетства,
Мол, профессор я простой,
Буду я литераведство
Доносить до вас с лихвой.

Прибыл к вам я по обмену:
Гоголь, Пушкин, Богорад -
Это вам. А мне в замену:
Шиллер, Гете. Буду рад,

Если мы язык находим
Дойче-руссе о-ля-ля!
То тогда вы быть похожим
Чуть на мой большой родня.

Мотю приняли прилично,
В кабинет устроили,
Ректор сам проверил лично,
Как Мотря освоили.

Днем профессор на работе,

Вечером доносы шлет:
«Мюллер, падла, до икоты
Наша родина клянет.

Я б его паскуду-гада
Пристрелил бы здесь зараз,
Но мне не было приказа
Что мне делать вас ист дас?»

«Не спеши, Матюша славный,
Пистолетом не маши,
Твой орудия есть главный
Ручка и карандаши.

Все пиши, товарищ Мотя,
Все пойдет тебе в зачет» -
Поучает самый главный
Ка-гэ-бэшник-звездочет.

Три года быстро пролетело,
Досье у Моти потолстело.
Заслуг не счеть в секретном списке,
Пора домой, там ждут делишки.

***

У Матюши талантов много,
Широка его дорога.
Поднабравшись практики,
Он был в Кремле обласканным.

***

Домой приехамши медальку
Сексот Матюша получил.

Сказал полковник: «Сунь под лавку,
Лишь ночью можешь поносить.»

Матюше снова должность дали:
«Завкафедрой служить тебе,
Но будь все время на аврале.
Как скажем, сразу же к ноге.»

Два года быстро пролетело
И снова Мотя на ковре.
Начальство строго оглядело:
«Пока еще не крем-брюле.

Еще послужишь для державы,
В дорогу собирайся, хват!
Сам знаешь, поменялись нравы,
Где черт, где бог - никто не знат!

Поедешь ты за братом следом
За немцем, то есть, в фатерланд.
Ты будешь с ним зимой и летом,
Народ твой будет тебе рад.

Профессор все-таки, не лыко,
Твой антураж потребен им.
Про то, что честь свою заныкал,
Мы это им не говорим.

Ты будешь нашими ушами
Во всех делах землячества:
Кто с кем, зачем, кто с нами,
А кто из них артачится...»

Заданье не весть бог какое,

Бывали в жизни посложней,
Матюша делал не такое,
Как оторвался от корней.

Но вдруг случилася беда,
Не стало той страны куда
Наш Мотя кляузы строчил,
Когда он земляков мочил.

Была страна и нету боле,
Хозяева исчезли, в доле
Держать Мотька они не стали,
И в одночасье все слиняли.

И запечалился Матюша:
«А где ж найти теперь мне уши,
Которым мой донос нужон?
Я в самый сердце поражен!»

Зачах Матюша, не удел
Вдруг полысел и поседел.
Куда девалась прежня стать,
Его таперча не узнать.

Скокужился, слинял лицом,
Остался вовсе не при чем
И только пробует уснуть,
Михея рожа тут как тут.

А то полковник в орденах
Приснился раз - вот вертопрах! -
На ишаке, как аксакал
Он под балконом проскакал.

***

У Матюши талантов много,
Но избрал не ту дорогу,
Вот и снятся ему бесы
В темном лесе, в темном лесе.

Графоман-отщепенец

О тяжелой судьбе графомана
Тихомира, взявшего себе псевдоним
Никодима и горько пожалевшего потом
об этом необдуманном поступке.

***

Графоман графоману разница:
Один пишет от натуры страстной,
Второй от зуда в заднице,
Третий из-за души сутяжной.

А, что - сидит такой индивид, давит диван,
День ото дня в носу ковыряясь,
И вдруг: - А не замахнуться ли на роман?
И тут же: - Да! - отвечает, не сумлеваясь.

И вот он в припрыжку бежит в магазин,
Гумаги купляет три килограмма,
Несколько ручек с чернилом цветным
И быстрее к столу с четырьмя углами.

Писатель задницу к стулу прижамши,
Лист белый чист пред собою кладя,
Роман начинает не пимши, не жрамши,

С самого, что ни на есть с рання.

Ровными буквами черным по белому
Пишет заветное слово: «РОМАН».
Он знает, что из частного рождается целое,
И составляет подробный план:

«Роман мой будет страниц с тыщу,
Меньше никак низзя.
Осилю я эту уйму, вытащу,
Огромны плосчади исписав?..

Грят, что не боги горшки обжигали,
А я не хужее других-прочих.
Итак, если в день на страницы-скрижали
Класть по пятьсот строчек...

Это ж пятнадцать страниц в сутки!
Месяц прошел - пол-романа есть.
Стало быть я без всякой муки,
Если помалу пить и помалу есть

В два месяца сей шедевр осилю.
Значит, главно во время засесть.
Писать буду я не какой-нибудь триллер,
А про жисть таку, кака она есть.

Итак, осталось придумать названье,
И главы оглавить. Их будет шесть.
Мой роман о людском страданье,
А посему назову его «Крест».

И заскрипел графоман пером,
Зашмыгал простывшим носом.

В шесть утра он уже за столом
И вечером там - и в семь, и в восемь.

Схудал писатель, сошел лицом,
Ходит на тень похожий.
Жена хотела послать за врачом,
Вдруг это случай сложный?...

Но муж-графоман словами строгими
Объяснил невеже жене:
«Дура, пойми, я иду дорогами,
Что не снились тебе и во сне.

Ведь я дошел до истошшенья
От творческих мук, а не то, что не жру.
Роман я пишу к твоим сведеньям,
А, написав, может даже умру!

Не морда-рожа важна при сем деле,
А весчество, что в мозгах копошится.
Здоровый ум он сидить не в теле,
Он в духе мосчном моем таится.»

Жена в диване свернулась в ужасе,
С тоской глядит, шевелит губами:
«И что ж случилось с энтим мужем
Был, как все, а теперь столько сраму?

Не жреть, паскуда, борща, контлетов,
Под юбку руку забыл сувать.
Мога быть к Маньке сходить за советом,
Ведь срочно надо вопрос решать?»

Ей мужа жалко, а вдруг помрет,

Из-за романа какого-та блядска.
Что людям сказать, ведь «Врет!»
Скажет бабка Параська.

- Врешь, не быват таких смертей,
Чтоб здоровый мужик от ума извелся
Куда ни шло, еслиф там сельтирей
Какой-никакой в кишках завелся.

Ишшо бывает, что с перепоя
Сердце рванет, если с дуря
Опиться, к примеру, дурман-настоя
А то - от ума... Не болтай, че зря!»

А графоману до фени слухи,
Его не волнует суетный мирок
Он погружен по самые ухи
В витиеватый романа слог.

На третий месяц, как в плане было,
Роман написан, лежит пред ним.
И тут же, пока рука не остыла
Он пишет имя свое – Никодим.

В миру же его зовут Тихомиром,
Но всяк, кто пишет обязан обзавестись
Достойным именем-псевдонимом,
Что вознесет в заоблачну высь

Его величайшее из творений.
Ну, теперь, читатель, держись!
Завтра к издателю без промедлений.
Все! Начинаю писательску жисть.

Утром, подсунув творенье под мышку,
Прет Никодим к заветной двери:
- Ну, принимайте, товарищ Нарышкин,
Рукопись энту, что я сотворил.

Не ожидал графоман, что получит
Он от ворот поворот и вердикт:
«Вы, Никодим, где учились по-русски
Буквы писать, читать, говорить?»

Вот мракобес, вопрошат, где учился?
Верно завидует мне, паразит!
Эк, напугал, да кругом таких тыщи,
Тоже ценитель нашелся, бандит!

Год без продыху автор долбимшись
В двери к издателям разных мастей.
Все они, буд-то бы сговоримшись,
Гонят писателя всюду взашей.

Мыкался, мучался брат Никодим,
Ночи не спал - со славой грешил.
А через год, тоской исходим,
С писчим трудом завязать порешил:

«Выброшу я псевдоним на помойку,
Вновь Тихомиром себя нареку,
Водки куплю и такую попойку
Я на поминках его закачу!»

Старых друзей пригласил Тихомир
Поминки справить по Никодиму.
Водка под тосты лилася рекой,
Весело мертвый ушел на покой.

Утром проснулся, башка пополам,
Водкой блестит граненый стакан,
Хлеба кусочком сверху накрыт.
Рядом жена, улыбаяся, спит.

Рукопись тут же, форзац развернут,
На нем голова сельди глаза таращит,
Буд-то старается, но никак не вспомнит
За автора Никодима, что, мол, за товарищ?

- Вот так дела! - вскричал Тихомир,
- Год без продыху, мил не был мир!
Это же сколько долгих часов
Был я под властью подлючих бесов?

Больше не буду касаться пера,
Жизнь эта трудная - не для меня!
Был графоман и кончился весь,
Много без этого добрых дел есть.

***

Наш графоман оказался не гордый,
Быстро усвоил: не вышел, мол, мордой.
Но, акромя Тихомира тишайшего
Буйные есть, беда величайшая!

Редактор-кидала

О редакторе Теофиле,
о деньгах и духовной могиле.

***

Худая молва, она как короста,
Липнет легко, отмыться не просто.
О Теофиле, который Капрал
Слышали все, но мало, кто знал.

Много легенд о Тео сложили
Люди, что вместе с ним жили, служили.
Верить-не верить, не наша забота
В анналы вписать, вот это работа!

В ранние годы он жил в Гюлистане,
Делал газету с хорошим названьем -
«Дружба» она прозывалась тогда,
Правда, исчезла потом навсегда.

Тео уехал в другой край земли,
Старые тропы быльем поросли,
Новые вехи, на новом путях
Стал устанавливать он впопыхах.

Тео решил, чтобы на ноги стать,
Буду в Европах я торговать.
Нет, не ботинками и не штанами,
А новостями из Гюлистана.

Срочно наладил он инфо-агенство,
Старым друзьям послал сообщенце:
Вы в Гюлистане инф*о* собираете,
Деньги в замен от меня получаете.

А в Гюлястане коллеги его
Все без работы и вон каково:
Тео Капрал о них не забыл,
Из Гюлистана инфо поплыл.

Однако у Тео гешефт не пошел,
Здесь он нигде никого не нашел,
Кто бы купил у него Инфоблат,
Нет интереса у местных ребят.

Долго не думая, новый проект
Тео впиндюрил в западный свет:
Буду я новый журнал издавать,
Лохов хватает, есть деньги где снять.

Деньги, конечно, нашел он не сразу
Деньги считают в Европе, заразы!
Нету гарантий - марок нема.
Вот ведь какие у них, брат, дела!

Тео настырный, он не сдается
И, время спустя, ему удается
Польского немца - богатый шельмец -
Схватить за подгузок и сделать триндец!

- Я тебе сделаю мега-журнал!
Немец подобного в жизни не знал.
- В нем будет все от «А» и до «Я»,

Вот те в залог моя голова!

Лучшие перья своих земляков
Я призову. Подобных столпов
Мир не читал и не слышал о них,
Все! Начинаем, без лишней возни.

Немец поплыл, пошел по орбите,
Взял и поверил роже немытой.
Деньги на счет перевел на журнал
- Данке! - Тео сквозь зубы сказал.

Сумму увидев на счете журнала,
Тео с сердечком натуженно стало:
- Это ж какие деньжищи немеряны
Скинул мне этот буржуй недорезаный!

Мысль паскудная в голову вкралась,
Как бы так сделать что б в доме осталась
Сумма приличная. - Эк, я буду дурак,
Если возьму и спущу ее так!

Нет уже дудки вам, земляки,
Деньги налево швырять не с руки.
Сварганю гешефт я по-простому,
Чтобы осталися деньги при доме.

Сам я, конечно, редактором буду,
Баба моя, что на кухне посуду
Моет без удержу, будет корректором,
Дочка моя - заместителем редкостным,

Зять мой единственный и любимый
Будет водитель служебной машины.

Кто там осталя еще на примете?
Кошка, собака, попочка в клетке...

Вот те вопрос? Но и тут не проблема...
Имя я дам каждой особи смело.
Кошка, к примеру, станет Варюхой -
Кореспондентом, ведущим по слухам,

Бобик – Борисом. Старый дозорный.
Вверю ему я отдел репортерный.
А попугай, хоша и не лает,
Пусть за добро наше переживает.

Смета составлена, штаты расписаны,
Тео идет к буржу*ю* за подписями.
Немец, что пень и в режиме авральном
Пишет: «Согласен». Реестр составлен.

Кошки, собаки писать не умеют
Овцы, к примеру, и то, только блеют,
Как же премудрый наш Теофил
Сложную эту задачу решил?

Оченно просто, шлет он депеши
Тем, кто словом душу утешит,
Тот, кто с артиклями просто на ты,
Кто не бежит от правды в кусты

- Вы, дорогие мои журналюги,
Правду скажу вам, я - не жадюга.
Если мы с вами раскрутим журнал,
Гад буду, должность я каждому дам.

Но для начала вы все мне отдайте,

Весь свой талант до конца, без утайки.
Станем на ноги, выбъемся в люди,
Достаток вам будет, словно на блюде.

Люди Капралу доверились тут же.
Думали, все это временны нужды
Их как герои переживем,
Будем работать ночью и днем.

И закипела работа у Тео,
Каждому было в журнале том дело,
Деньги ссужал буржуин регулярно,
Только не знала о них вся компанья.

Знала лишь баба, редактора жонка,
Сколько накапало Тео деньжонок.
Да еще попка, глазастый, падлюка,
Видел прекрасно, какой Тео - сука.

Деньги – зараза известно давно,
Тео зажрался и думал оно -
Дело, что было с журналом закручено,
Будет пожизненно скурвлено, ссучено.

Деньга ж как пришла, так и ушла,
Слишком семейка жоркой была.
Тео немедля финт изобрел -
Попку в нештатники тут же возвел.

Сам накропает статейку каку,
А снизу припишет: Попо Какаду,
То есть, он попку сотрудником сделал:
Хватит сидеть, мол, в семейке без дела.

Несколько лет халявою жил
Редактор хитрейший наш Теофил.
Но и на бабку бывает проруха -
Кто-то на Фила буржую настукал.

Нанял буржуй ревизора порхатого,
Вычислил вмиг он внештатку пернатого.
И загремел Теофил под фанфары,
Где его ждали дощатые нары.

К счастью редактора бедный издатель
В суд не понес заявленье на татя.
Выгнал лукавого вон за ворота,
И журнал издавать пропала охота.

Что ж, Теофил, свой позор осознав,
Тут же на путь исправления стал?
Как бы не так, буржуинов здесь много,
Пару еще он по той же дороге

Следом отправил, прибытком маня.
И понеслася по новой возня
С мамкой-кухаркой, с дочерью, с зятем,
С попкой горластым, снохою и сватом.

***

В общем сказать если правдиво,
Скучно на свете без Теофилов.
Щука, опять же, не вздумает зря
Там метать икры, где нет пескаря.

Вездесущая борода

О том, что если жить
без чувства меры, то
являются химеры.

***

Разные люди бывают на свете,
Много серьзных, другие, как дети.
Есть вездесущие, правду сказать,
Так и охота такого послать...

Жил проживал среди нашего брата
Муж пожилой, борода, как лопата,
Рыжий он был, лысоватый чуток,
В разных науках большущий знаток.

Был не заметен он в тяге к пороку,
Тихо сидел, дожидаяся сроку,
Ну, а когда такой срок наступал
Душу его словно черт посещал.

Так, например, любил он собранья,
Где раздавалися разные званья:
Ты - председатель, а ты член совета,
Ты – заместитель, а ты – после Светы.

Только заслышав, что там-то, тогда-то
Съезд намечается делегатов,
Он наделяет себя самого
Главным мандатом, куда без него?

Рожу помыв, бороду расчесав,

Мчиться он на собранье стремглав.
Прибыв на место, не в залу идет,
А к учредителю буром он прет.

Ты самый главный распорядитель?
С этого часа я твой заместитель!
Ты без меня совсем пропадешь,
Только со мною ты съезд проведешь.

В этих делах я есть большой дока,
А без меня ты получишь мороку.
Я, уж, поверь соображу все как надо
И, разумеется, не за награду.

Будем на сцене за красным столом
Чинно сидеть мы рядом вдвоем,
Ну, а направо, налево от нас
Те, кто помельче, Андрейка и Стас.

Съезд, оглашаемый шумом и гамом,
Стал заседать согласно программе.
Съездом президиум руководит,
В центре лопатой бородка торчит.

Смотрит на всех делегат-завсегдатай,
Строго следит за ходом дебатов,
Если захочет время добавит.
А не захочит с трибуны отправит,

Скажет серьезно, «Что ж ты, милок,
Мерзки идеи сюда приволок!
Здесь те не тут, а тут-ка не там,
Я безобразничать здеся не дам.»

Смотрят с опаскою делегаты
На строгую бороду депутата.
Откуда такой, и кто же он есть?
Может быть, главного нашего тесть?

Нету ответа, есть борода
С рыжим отливом, ну, просто беда.
Те, кто не в милость к ней попадает,
Долго потом от страха икает.

Кто он, откуда, зачем, почему?
Не было знать дано никому.
Вывод у каждого был для себя:
Есть борода, значит нету тебя.

Много лет кочевал тот мужик
От форума к форуму и попривык
К роли ответственной и отважной,
Что даже во сне лицом бывал важный.

Мужик-активист за долгие годы,
Себя отдавая службе народу,
Стал депутатом, создателем фонда,
Членом правленья, участником фронды,

Был представителем малых народов,
В племени диком принял как-то роды,
Прослыл медиатором между мирами,
Связь укрепил с растрига-попами.

Был активистом охраны природы,
Законодателем суперной моды.
Его борода уж давно поседела,
Но не сидит он минуты без дела.

***

Быть активистом – задача почетная.
Это все мы понимаем отчетливо.
Усвоить еще бы, что есть чувство меры,
Понятие чисто из нравственной сферы.

Придворный историк Геродот

Посвящается становлению и генезису
грехопадения одного из отцов основателей
придворной истории российских немцев
Геродоту Иоганновичу Альфреду

***

В далекое время совсем еще юным
Из дикой башкирской степи угрюмой,
Движим ностальгией по родине древней,
Вернулся герой наш к жизни оседлой.

Родина предков с открытым объятьем
Его приняла, а то как же, ведь к братьям
Семья возвернулась из странствий далеких,
Где жизнь влачила она одиноко.

Семью приютили, обули, одели,

Каждый пристроен, каждый при деле.
Нашел Геродот и себе примененье -
К наукам открылось большое стремленье.

Пошел он учиться в высшую школу,
Науке всерьез дает Гера фору:
«Я буду писать о народе своем,
Правду о нем не найдешь днем с огнем!»

Историю щелкал он словно орех,
Сопутствал Гере в ученье успех.
Один институт покорился герою,
В науку ушел Геродот с головою.

Потом он еще получил два диплома.
Ученье богатство! – теперь аксиомой
Стало для Геры дело благое -
Служенье народу весьмая не простое.

Много ли, мало ли дней пролетело,
Стал Геродот профитом в сем деле.
Стал он в истории богоизбранным,
Не было Гере равных средь равных.

Много писал о народе своем,
Но однажды у Геры настал перелом -
Историка вызвали на разговор,
Строго спросили: «Куда ты попер?

Мы ли тебя не пасли, не кохали,
К делу пристроили и воспитали?!
Ты же, к нам жопой поворотясь,
Вздумал писати, нас не спросясь!

Вот, ты, подумай, зачем бы вдруг сталась
Немцу германскому ваша скандальность.
Где вы там были, чего испытали?
Нам нет нужды, что бы люди узнали.

Хватит, генуг, мы твою эпопею
За борт пульнем, а тебя, брат в зашей,
К чертовой матерь в кандее запрем,
Песнь упокойну за душу споем.

Если же всю ты серьезность поймешь,
Если усвоишь, если дойдешь
Ты, Геродот, что не надо нам боле
Вашей истории, будешь на воле.

Видишь какая случилась пурга
Прут твои братья как из рога,
Как из рога изобилия прут
А как припрут, так наступит капут

Нашему пиву, сырку, колбасе,
Братья конечно мы, только не все.
Все ведь сожрут и тебе не достанется,
Будешь ты вместе с родней своей маяться.

Мы же хотим вам другую судьбу -
Жизнь богатую, а не борьбу
С сильными мира и света сего.
Так что, давай-ка, не будем того!

В общем езжай ты скорее в Москву,
Волгу вернем мы народцу твому.
Там ты заручишься волею нашею,
Что помогать будем Волге колбасами.

Если поможешь поток развернуть
Гунов голодных, медаль те на грудь
Будет навешена без промедленья,
В этом не может быть даже сумленья.

После того, как ты миссию нашу
Выполнишь честно, потом мы заквасим
Новый проект, а названье ему
Будет такое, что - ай тебе ну!

Станешь в истории законодателем,
Деньгу большую за это заплатим мы,
Сделаем главным директором, всуе
Мы об услуге твоей не забудем.

Спекся историк соблазном заряжен
Дал он согласие, правда, не сразу:
«Верой и правдой я вам послужу
Если исполните, что вам скажу.

Дайте вы мне во владенье полнейшее
Дер институт, а о службе дальнейшей
Не беспокойтесь, я сделаю все,
Что бы быть в масле, при колбасе.»

Славно! Ударили все по рукам!
Был Геродот, получился лишь срам -
Стал по заказу писать перевертыш,
В смысле о том, что хотеть вы изволите?

Славно зажил гешихтманн после сделки,
Доктором стал, а не служкою мелким.
Прайсы, награды, медальки, деньжонки

Гере стекаются словно в помойку.

Славу поет проходим проходимцу,
Наша гешихте в руках лихоимцев.
Что же нам делать, как же нам быть?
Просто, наверное, хрен положить

На эту братию неординарную,
Подлую, хитрую и завиральную.
Есть только вера, надежда на нас,
Тех для кого наша жизнь не заказ.

Мы никогда не бывали рабами,
Бог уважал, помогал и был с нами.
Духом и телом мы чисты остались,
Делали все, за чтобы не брались.

***

Так что историю нашу немецкую
Без геродотов напишем мы честную.
Славно напишем, расскажем, что было,
А Геродота отправим на мыло.

Слон в литературе

О том, как сподобилась литературная бездарь воглавить писательский коллектив, и что из этого вышло

***

Много талантов в людях пропадает,
Горе тому, кто об этом не знает,
Знал бы - стал инженером-конструктором
Или, быть может, трамвайным кондуктором.

Этот нашел себя в изобретательстве,
Тот обалдел от собирательства,
Третий кропает стишки о природе,
Четвертый - издатель журнала о моде,

Пятый, пером владея искусно,
Занят поиском смысла в искусстве.
Лишь Гавриил неприкаянный ходит:
Брюхо набито, а суть не находит.

Жалко Гаврилку природа объехала,
Деньга была, а счастья-то не было.
Жизнь какая-то странная штука,
Этому счастье, другому докука.

Завидовал Ганя таланту витийства:
Пиитам, писателям и журналистам.
Хотел как-то очерк тиснуть в печать -
Отказ получил: «Не умеешь писать!»

Нет, так неправильно, быть так не может,
Что же выходит, не вышел я рожей?
Думал Гаврилка порой на досуге,
Как оказаться в писательском круге?

Славой он был бы тогда обеспечен,
Лучшим из лучших был бы наречен.

Что ж мне сделать, что б цели достичь,
Чтобы в ряды их едины вступить?»

Так размышляя, пришел он к идее:
Надо возглавить писателько дело,
Стать председателем ихнего цеха.
Нету таланта? Ну, то ж не помеха.

Я им навешу на уши лапшу.
Я им скажу: все проблемы решу,
Будут писать они в творческом рае,
Будут творить они, горя не зная.

Писательский люд - он очень доверчив,
Выслушав шулера, тут же поверил
И председателем Ганю избрал,
Чем много бед на себя накликал.

Став председателем, нить управления
Он превратил в петлю удушения.
Ну, трепещите, писаки, босота!
Я вам устрою такое болото...

Черное белым я назову,
Бездаря в гении произведу,
Шибко талантливых я пропесочу,
На долго писать отобью им охоту.

И если уж вправду строго судить -
Это ведь проще, чем прозу творить
Или, стихи о любви сочинять,
Много ведь легче других попенять.

Камня на камне не станет от тех,

Кто прежде мешал состояться мечте.
Вставлю фитиль я им в задницу точно,
Узнают они все мои полномочья!

С этой минуты казнить или миловать
Буду лишь я. И я буду кастрировать
Ихни творения мерзкие, дрянные.
Попомнят меня, козлы окаянные!

Тем отомщу, кто сказал мне в сердцах,
Чтоб не лелял я даже в мечтах:
Писателем стать и забыть о пере,
Которое, как бы, не чинится мне.

Плакать, рыдать я вас, гадов, заставляю,
В каждый рассказ ваш насыплю отравы.
Запомните, умники, Ганю навек,
Подумав об этом, он к ручке побег.

Стул Гавря ближе к столу пододвинул,
Ручку взял в руки, строгую мину
Скорчил на желтом небритом лице,
Листая роман «Весь смысл - в яйце».

Автор, подлюка, Гавриле известен,
Давно он сидит на писательском месте.
Ему бы на стройке носилки таскать,
А он вот пристроился, гад, твою мать!..

Ганя пером, рукою водимым,
Стал исправлять, что было немилым,
А было Ганюше немилым лицо
Автора мерзкого вместе с «Яйцом».

Ну, я те перцу подсыплю, Иуда,
Век ты меня теперь не забудешь!
Пять запятых не поставил, а зря,
Вот и попался ты, гадкая тля!

Здесь двоеточья в тексту не хватает,
Есть мне за что эту книгу захаять.
Тут многоточье стоит не по делу,
Дважды тире - по беспределу.

Так, словно слон в лавке посудной,
Занялся Ганя работой паскудной.
Долго резвился, покуда перо
Желчной слюною не изошло.

***

Вывод сей басни прост и понятен,
Что бесталантный критик опасен.
И автор талантливый, в первую очередь,
Будет раздавлен им и опорочен.

Обрезанец духовный

Повествует о том, как
бывший казак превратился
во француза

Среди журналистских перышек острых,
Что объявились здесь в девяностых
В ходе движенья, имя которому
Возвращение на родную сторону,

Стался один экземпляр удивительный,
Звали его Шибан*о*в Ваня Дмитиревич.
Родом он был из Ростовской станицы,
Маленький ростом, головка тыкв*и*цей.

Слыл средь казаков счастливчиком мальчик:
Прыщь на затылке - значит начальник!
«Минимум в качестве бригадира
Он будет при агрономе Надире.»

Считали не зря земляки-станишники,
Видя, как Ваня стремится в отличники.
Вырос парнишка и родну станицу,
Послав подальше, подался в столицу,

В город Ростов большой и красивый.
Там в вуз поступил без особых усилий.
На факультет журналистики. Круто!
Ваня был первым студентом на курсе

Лет через пять он диплом получил,
В качестве «корра» должность влачил
В скромной и малоизвестной газете,
Где много мечтал о редакторском месте.

Как холостяк не терпел, не крепился,
Вскоре на немке российской женился,
А вместе с женитьбой счастливый билет
Вытянул Ваня в западный свет.

Прибыв в Германию Ваня искать
Начал изданье, в котором писать
Мог бы он вдоволь согласно диплома,
Но заграницей – это не дома...

Нет на спецов из России здесь спроса,
Жизнь проходила и все мимо носа.
Что же выходит, что зря он учился
Писать-сочинять, искусству витийства?

Нет, я такого себе не позволю,
Должен собрать я в кулак свою волю!
Сделаю все, что б в газету любую
Сунуть свою журналистскую выю.

В газету, а может быть даже в журнал,
Чтоб, наконец, народ сей узнал,
Что и Шибановы лыком не шиты,
Что есть и средь них неплохие пииты...

Много и часто стал он писать,
В газеты, журналы статьи рассылать.
И вот, наконец, заприметили взяли,
Редакторску должность Шибанову дали.

Рьяно за дело взялся Ванюшка,
Редактором быть это не шутка,
Здесь не зевай, работай до пота,
Чтобы кипела в изданье работа.

Все хорошо у Вани сложилось,
Только вот имя его не прижилось.
Какое-то очень уж непрогрессивное.
«Обрежу его, чтобы стало красивее.»

А за это – славянское - в сфере спесивой,
Могут начистить как-нибудь рыло.
Прежнее имя решено поменять,

Что здесь добавить, что тут сказать…

***

Итак, был человек - Ваня Шибанов,
А теперь невесть кто - Шабан* Иоганн.
Бывший казак из предгорий Кавказа
Стал вдруг «хранцузом», эка оказия!

Вот и несет обрезанец фамильный,
Шустрый на дело, на слово обильный
В массы культуру, совесть, мораль,
Честности учит, себя ж обокрал.

*Жак **Шабан**-Дельмас,
член французского правительств Четвёртой республики

Политик-стервец

о том, как рождался Веннер-политик,
каким он сказался вельми многоликим.

***

Кто бы мог думать вот так наперед,
Что новый политик меж нами живет.
Вот вам, к примеру, Ликочка Меркель
Строго стоит в пионерской линейке

В галстуке синем, припухлые губки,
А на носу вразброс конопушки.
Видели ль кто в той девчушке смешной

Канцлера, правящего страной?

Яшенька Пеннер был с юности шустрый
Учился он плохо, тянули за уши,
Но школу закончив с трудом кое-как,
Отправился он Москву покорять.

Приехал в столицу, хотел оглядеться,
Куда же пристроиться, где же пригреться.
Пойду в медицинский, решил в одночасье,
Стану лечить я болезных-несчастных.

Правда, проблему имел он серьезную -
Тройки сплошные, свидетели грозные,
Стояли в свидетельстве об образованье.
Трудно внедриться, хотя и призвание

Душу Яшке тисками сжимает.
Где ж найти выход? Никак он не знает.
Так бы он мучался, если б не случай,
Тот, что привел его к дверям могучим.

А на тех толстых дубовых дверях
Надписи были на трех языках.
Яша на русском надпись нашел:
«Дружба народов». Вот я осел!

Я же ведь немец. Раз так – иностранец
А не какой-нибудь местный засранец!
Это ж меня здесь обязаны взять,
К тому же совру, что я ректору зять.

Яшу приняли, вселили в общагу,
Стал он студентом, а был бедолагой.

Правда, с китайцем, алжирцем, малайцем
Стал проживать. А не будь иностранцем!

Он долгие годы учил медицину,
Разных болезней суть и причину.
Время летело и лет через десять,
Пеннер достиг своего апогея.

Диплом получил, не бумага, а клад:
«Пеннер Яша теперь - эскулап».
Кончились муки профессоров,
Мучать больных теперь Пеннер готов.

Где-то в районе глухом Подмосковья
Стал он лечить различные хвори.
Как уж лечил, не известно о том.
Главное Яков считался врачом.

Доблестно, смело с болезнью сражаясь,
В новую жизнь потихоньку вживаясь
Лет эдак пять прошло-пролетело,
Как вдруг приспело новое дело.

На родину предков собрался народ,
Немец, который в России живет.
«Это ж смотри-ка, халява какая
Плывет прямо в руки, не ожидал я!

Надо бы срочно смотаться тудой
И осмотреться, что ждет меня в той
Дальней стране, что словно магнитом
Манит к себе из Руси меннонитов.»

Смотался Якоб на родину предков

И обалдел, что бывало нередко,
С теми, кто за границами не жили
«Здесь все по мне, чтоб мы Пеннеры не были!» -

Яша воскликнул. Вернувшись назад
Стал собираться, чтоб не опоздать
Лучшее место под крышей красивой
Прочно занять здесь - на родине милой.

Яша заветну шкатулку открыл,
Вытащил «пропуск», на время застыл,
А потом сунул без всяких сомнений
В печку, где было: «Член партии – Пеннер»

Выйдя в момент из простых иностранцев,
И, поскорей записавшись германцем,
Паспорт спроворил, визу открыл.
Был Яша Пеннер, был да и сплыл.

В городе Касселе в центре Германии
Пеннер осел весь в заботах, стараниях.
Бумаги подчистил, подправил где надо
Свои документы и в «амты» отправил.

Бомжовское имя, ну шибко позорное,
Яша сменил, чтоб был*о* не зазорно
Представиться людям. Сделался Веннер
И за успех свой был прочно уверен.

Думает Яша, что нет боле трений,
На широких дорогах его устремлений,
Доктором стану, вступлю в CDU,
В политику ринусь, горы сверну.

Все, как задумывал, так оно вышло
Лекарем стал, вступил в CDU-ушную
Партию Яша, согласно программе
Избран был в депутаты собранья.

Правда, был скорбным этот прыжок
Многих друзей Яша предал и сжег
Все он мосты между прошлым и будущим.
Стал государственным мужем, служащим.

***

Смысл, который укрыт в этой басне
Без лишних слов нам понятен и ясен:
Точно не Боги горшки обжигают,
И не они людей превращают

В зомби послушных, в стадо овец,
Делает это политик-стервец.
Тот, что морали напрочь лишен.
Теперь вот и Яшин путь предрешен.

Явление бецеизма* народу

О том, как бывший живодновод,
переместившись из казахских степей
в Германию, стал незаменимым политическим
обозревателем в некоем эпатажном журнале.

***

Вернувшись в Германию многие люди
Без подготовки и без прелюдий
На рынке труда оказались внезапно,
Где сортируют людей безоглядно.

Нет здесь понятия «хочешь-не хочешь»,
В зубы лопату и в ряд всяких прочих,
К тем, кто копает траншеи на стройке
Или же к тем, кто блюдет за помойкой.

Бывший учитель разносит газеты,
А вот инженер, пакует палеты.
Моют полы VIP-секретарши -
Те, кто моложе и те, кто постарше.

Кто-то в ляйфирме горб наживает,
А кто-то живет и заботы не знает
На социальную помощь и «шварц»,
Ему словно мама родная план Hartz.

Бывшие кем-то и бывшие как-то
С долей смирились. Сказать если кратко,
Плюнули люди на образованье,
На прежни заслуги, награды и званья.

Но есть среди нас и другие, которых
Не прошибешь просто так, не расколешь
Словно орешек на зуб не возьмешь,
Он не пойдет вам трудиться за грош.

Эти пристрояться так иль иначе,
Ловко за хвост ухвативши удачу.
Много примеров тому в этом мире,
Честный пред ними просто бессилен.

Вот, например, пред тобой во весь рост
Прапорщик бывший иль бывший завхоз,
Тот, что портянкам, кальсонам и майкам
Строгий учет вел в армейском хозяйстве.

Теперь же его на козе не объедешь,
Стал бизнесменом, о золоте бредит.
Этот, который из той же плеяды,
Назвался философом незаурядным.

Буробит на полосах разных изданий
О бесконечности мирозданья.
Родом он сам из-под Тамбова,
Где отродясь не слыхали такого.

А вот он бывший техник-корректор.
Представился он - был, мол, я ректор.
Знал он когда-то ясно и точно,
Где запятая стоять полномочна.

Здесь же сей муж бороденку задрав,
Здравого смысла законы поправ,
На должность редактора претендует
И именно он же владельца надует.

Но и средь этой толпы шельмоватой
Есть прохиндеи, те еще хваты!
Бесом Вованом зовут одного,
«Политаналитик» - должность его.

Пристроился Вова в том же журнале,
Где бывший корректор теперь заправляет.
Словно алкаш к алкашу они тянутся

Чувствуют носом, никак не обманутся.

Редактор Вовану - друг*а*ну по цеху -
Доверил раздел на позор, на потеху,
Который был назван «Politicushomo»,
Новое в параполитике слово.

Главное - жути нагнать на читателя,
Думает пусть, что в нем поупрятано,
В дивном словечке. И нет им греха,
Что Бес только профи в колхозных быках.

Строча публицистику пусто-порожнюю
Теряет он бдительность и осторожность.
Несет на страницах бред сивой кобылы,
Читает читатель и чешет затылок.

Ляпы за ляпом в своих аналитиках
Делает Бес, а редактор не видит их,
Где же корректору с делом управиться,
Ему бы хоть с запятыми расправиться.

Путает Бес Австралию с Австрией,
Назвал Антарктидою как-то он Арктику,
Латвийцев нарек наш мудрейший латинцами,
Бедных малийцев попутал с чилийцами.

Что тут поделаешь, что ты тут скажешь?
Это ль не срам, это ль не казус!
Но бецеизм, он на то бецеизм -
Быть «авангардным» - журнала девиз!

Лихо пригрел под крышей журнала
Бездарей разных, прохвостов, нахалов

Бывший ревнитель грамоты русской,
Пугая людей пустой погремушкой.

В этом журнале кого только нет:
Вот в полный рост физкультурный атлет,
Огнепоклонник, теперь каббалист,
Рядом сидят атеист и баптист.

Словом сплошной авангард не журнал,
Вот уж такого подписчик не ждал.
А он явился, как черт из небес
В центре находка бесценная – Бес!

***

Басенки этой смысл простой:
Бесы чудят, когда бог на покой
После бдений, забот и сует
Вдруг удалится, вам тут же привет

От всех чертей, от бесяток и леших!
Мелькают их роги, блистают их плеши,
Кривляются, скачат, скалят клыки,
Кусаются, брешут и рвут на куски

Тех из людей, кто перечет их воле,
Кто не согласен быть в одной доле,
В деле поруганья чести и славы
Тех, на кого им Бес*ы* указали.

* Бец(с)еизм – течение в общественной жизни, возникшее в рамках интеграции российских немцев в германское общество, связанное с именим Вовы Беса, одного из его основателей. Бецеизм пользуется большой популярностью среди той публики, которая свято верит принципу о том, что и кухарка может управлять государством.

Ур-р-ра Гурману, дилетанту окаянну!!!

О том, как некоторые полковники Поменяли военную службу на гражданскую,а серые шинели на профессорские мантии. Но прибавилось ли у них от такой метаморфозы ума, вот вопрос вопросов?

***

Странные вещи в мире творятся,
Не перестаешь тому удивляться,
Особливо Русланд нас поражает -
Такие там «овощи» произрастают.

Диву даешься, ну, как это можно,
Чтобы вчерашние погоно-носные
Чины из полковников и помладше
Стали к штурвалу рулить государством?

Ну, ладно, примеров имеем немало,
Когда генералов пора наступала
Принять в свои руки бразды управленья.

Пример – Бонапарт. И тому нет сомненья!

Сомненья в другом - в сумасшедшем примере,
Когда отслужившие то, что отмеряно,
Выйдя по выслугу лет на покой
Фуражки, движимые чьей-то рукой,

Вдруг объявлялись бы в сфере научной.
Сей феномен до сих пор не изучен.
Вчерашний армейской разведки начальник
Валериус Кочет сегодня, забавник,

Завкафедрой числится на юридическом,
Звание доктор как знак отличительный
Вдруг получил от крыши московской
И в Новосибе местечко забойное.

Ловко сменив сапоги на штиблеты,
Мантией черной накрыв эполеты,
Спрятав портянки, напялив носки,
Шляпу на голову, чтоб босяки

Сразу поняли и все осознали,
Кто теперь будет стоять на аврале,
Кто будет в городе мазу держать,
И что без звонка ничего им не взять,

Не оторвать больше по беспределу,
И что без юриста они все не в деле.
Мало того, он с ученых высот
Знание власти народной несет,

Как им вести себя при беспорядках,
Если вдруг выйдут на улицы братки,

Коих достала новейшая власть,
И как укротить ихню буйную страсть.

Много полковников бывших, отважных
Власть приспособила к должностям разным.
Даже в программу «Поле чудес»
Бывший полковник ведущим залез.*

В зампредседателях русской Госдумы
Служит полковник, чекист-вольнодумец.
Этот не прячет мундир свой геройский,
Он и в мундире власти есть свойский.

Наш народ тоже судьба стороной
Не обошла и отдельной строкой
Бывшего главного зам-по-полита
Ввела в историческую элиту.

Прежде он лямку армейску тянул
Салагам-солдатам про линию гнул,
Про генеральную линию партии,
Лучшим начетчиком числился в армии.

Прежни заслуги забыть невозможно.
Власть поменялась, но метоморфозно
Полковник Арканя, который Гурман
Составил свой стратегический план:

Сдав на помойку Армию Красную,
Он поменял свою линию властную.
Новый режим предложил перспективы
Экспертом стать фрукто-апельсинным.

Арканя свой нос по ветру держа,

Сумел извивнуться не хуже ужа:
Клюнул того, кто был против власти,
Тому он лизнул одно место во страсти.

Сделав все правильно, в позе согбенной
От власти верховной он благословенье
На поприще нужное, поприще важное
В руки дрожащие принял и граждане,

Тех, что германцами в Руси считали,
Тех, что истории долго лишали,
Вдруг получили вождя и наставника
Арканю полковника - историка главного.

Немцам сказали, теперь он ваш фатер,
Истории вашей перво-открыватель,
Все, что не скажет, примайте за правду,
Поскольку он будет теперь у вас главный.

И вот наш профессор Арканя Гурман
Признанный главным историк-талант,
Кремлем стал обласкан, ему равных нет
По лжи и обману главный клеврет.

«Трудармия», пишет Арканя в трудах,
Для русского немца была не на страх,
А на славу велику властью задумана,
А вы обижаетесь, глупые дурни!

Трудились мы, немцы, в глыбоком тылу,
Ковали победу, спасали страну!
И Кремль спасал вас от бед и несчастий,
А не гнобил вас от имени власти.

***

Не будем полковников всех обвинять,
Но тот, кто за тугрики душу продать
Готовый в момент - презренья достоин,
Учености нет в нем, потерян и воин.

Реквием по матери нашей блаженной - Несси Кутько

У каждого народа есть свой праведник, своя мать Тереза, свой Солженицын. Была такая и у нас. Долго была, а потом куда-то пропала бесследно. Но народ бережно хранит горькую память о своей мамке.

***

В юные годы жила в СССР
Немка российская с длинной косой.
Смелой была, правдой жила,
Честь, достоиинство, суть берегла.

Жить в кагебешной стране не хотела,
На родину предков ей нетерпелось
Без промедленья скорее попасть,
Устами к родимой земельке припасть.

Но органы строго за Несси следили

«Не думай, забудь!» – ей они говорили,
- Не пустим тебя, зря силы не трать,
Будешь ты здесь до конца прозябать.»

Но Несси отчаянной девкой была,
На Красную площадь она прибыла
С канистрой бензина, с коробочкой спичек,
Облилась бензином и начала чиркать

Спичками, чтоб себя заживо сжечь,
Чтобы принять лютую смерть!»
Кричала, что сил было, громко она:
«Свободы хочу, надоела тюрьма!»

Но спички ломались, не загорались,
В эту минуту к ней сзади подкрались
В серых шинелях лихие ребята,
Руки скрутили и крикнули: «Хватит!

Все! Ты достала, Кутько, нас скандалами,
Придется гременеть тебе долго канд*а*лами
В лагере ссыльном для политических,
Он у нас емкий, шибко вместительный.

Взяли под белые рученьки-ноженьки
И в каземат понесли осторожненько.
В камеру Несси определили,
Согласно инструкции вверх доложили:

Так, мол и так, диссидент объявился,
В девку немецкую бес поселился,
Сжечь себя пламенем ясным хотела
Прямо при Ленина свят-мавзолее.

Стали кумекать большие начальники,
Как поступить с этой бабой охальницей:
«Если о том за границей проведают,
Стыд и позор нам придеться изведовать.

Нет, мы такого позволить не можем,
Надо избавиться нам осторожно
От Несси Кутько, от злыдни немецкой,
Девки настырной дерзости редкой!»

Тут же тайная служба кремлевская
Связалась с немецкими единокровцами,
И главный начальник из НКВД
Просит начальника из БНД:

«Друг мой старинный, соратник и брат,
Даже не знаю, с чего мне начать?
Девка тут ваша достала до печени,
Может возьмете ее на попеченье?

Нет больше сил с нею биться, бороться.
Кирдык нам придет, если не заберете
На службу к себе в ваш секретный приказ
Эту бабенку долой с наших глаз.

Посовещавшись враги, согласились.
В Москве диссидентку освободили,
Быстро заправили экспресс-самолет
И отправили Несси в последний полет.

В Бонне фрау Кутько, как положено,
Встретили вежливо, но осторожно.
Долго потом проверяли, мурыжили,
Всю информацию из Несси повыжали.

После отправили на спецучебу,
Чтобы могла она честно народу
Словом и делом верно служить,
Правду о нем всему миру твердить.

Время прошло, Несси не тужит,
Голосом совести в Радио служит.
Гордо несет она правду народам
Тем, что пока еще в темени бродят.

Двадцать годов, как один пролетели,
Рухныли стены, заборы, плетени.
Немцы российские вновь на свободе.
У Несси Кутько помысл*ы* о народе.

Чтобы помочь нам в германских условиях,
Несси создала газету сверхновую
Имя дала ей - «Летучий экспресс»,
Стала солидным издателем, вес

В политической сфере приобрела.
Новые цели, благие дела
Стали уделом для доблестной Несси:
Мостостроительство - Осси и Весси.

Долгие лета ночью и днем
Несси писала в газете о том,
Как жить по правде, а не по лжи,
Хранила народ от ржавчины-ржи.

Кутько поверили, судьбы ей вверили,
Мамкой назвали, мессией наречили.

Гордость и смелость для целых народов
Стала при помощи Несси свободными.

Долго ли коротко время то шло,
Но вот однажды произошло
Событие вовсе неординарное,
Можно сказать, почти эпохальное.

Прибыл в Германию некий субъект,
Родом он был из самых тех мест,
Где Несси когда-то род*и*лась, жила.
Страна Молдавания это была.

Явился к нам поц, Мишелем назвался,
В столице Берлине тот час окопался.
Денег мешок, что у дурня махорки,
Издательство создал и без остановки

К Несси Кутько на прием записался,
Что он сказал ей, осталося тайной.
Может привет передал из Нью-Йорка,
Где обитал Мишелька недолго.

Или быть может из Тель-Авива,
Где у Мишутки дела всяки были.
А может быть даже из Красноера,
Где заместителем был он у мэра.

Как толковище меж них проходило,
Нам не известно, известно, что было
После беседы Мишани и Несси:
Накрылся проект наш Осси и Весси.

Несси Кутько без всякого боя

Все отдала Мишане-ковбою:
Газету народную, мысли великие.
Подписчики бывшие стали безликими

Овцами, шерсть которых стригут
Пастыри лживые, довод чей кнут.
Ложью питать стал новый хозяин
Нессиных бывших поклонников рьяных.

То ль от позора, то ль по приказу
Несси Кутько потерялася сразу.
Исчезла. Была и вот нет ее более,
Яркой Терезии с пламенным взором.

Мается, думает бедный народ,
Где ж наша мамка, когда нам вернет
Бывшее наше величье народное,
Что отобрали бесы безродные?

Нету ответа... Ты, что умерла,
Несси родная, что с нами жила
Все эти годы тяжелые, нудные?
Время приспело очень паскудное.

Муторно нам, не знаем, что делать?
Кто нам поможет, вернет кто нам смелость,
Кто над людишками шефство возьмет,
Кто нашу грешную душу поймет?

Может с канистрами полны бензином
Выйти на площадь на нашу в Берлине,
Спичку поднесть да плоть нашу сжечь,
Что ты нам скажешь, родная, сиречь?

Выйди, пожалуйста, из-за укрытия,
Все тебе пр*о*стим без всякого в*ы*тия
Службу твою и роль спецагента,
Только спаси нас от напастей энтих,

Что навалились на нас отовсюду.
Все мы погрязли во грехе и в блуде.
Мамка оттклик*н*ись, скажи хоть полслова
Выслушать речь твою все мы готовы.

Дай, Несси, шансу, дай нам надежду
Явся к народу, не пр*о*тиводействуй,
Против желаний своих не протився.
Люба ты нам, мы помним витийства

Дивны твои в нашей любой газете,
Шлем от читателей всех мы приветы
Несси великой, кормчедержащей.
Будь нам и далее мамкой ты вящей.

Сердце, душонку ты нам отогрей,
Просим тебя безо всяких затей!
Жизни любовной ты нас не лишай
Только с тобою жизнь наша - рай!

***

Нету ответа сиротке-народу,
Что это, может быть, новая мода?
К черту послать надоевших людишек,
Смыться и думать: «Вы есть излишек!»

Душка-классик

О том, что если короля делает не народ,
а свита, то классиков от литературы делает
окололитературная шпана, а не читатель.

***

Есть среди нашего писчего брата
Непререкаемый босс-литератор.
В пору его аксакалом назвать
Не только за возраст но и за стать,

Что приобрел он на поприще славном,
Литературно-витийно-сакральном.
Он словно акын, тот, что песни поет,
Пишет о жизни, что мимо плывет.

Ему нет пределов в риторике жанра,
Меж одой, балладой, поэмой, романом
Границы отсутствуют, их нет у него,
И червь от сомненья не гложет его

Широкомасштабную душу-талант.
В нем силы немеряны, буд-то атлант
Из прошлого бытия возвратился
И в душу блаженную переселился.

Девятый десяток пошел аксакалу,
Но нету предела духовну накалу.
Чрез слово искусное, словно кудесник
Доносит до нас он все новые песни.

Бывает с устаку он примет на грудь
Серьезный напиток, но выбраный путь
Он держит уверенно без компас*о*в,
Нет в зелье для классика всяких бесов.

Бессильны они, в желудке таланта
И быстро становятся лишь экспонантом
Сродни колбасе иль селедке какой,
Засадит пузырь и пошел на покой.

А утром опять он, как буд-то не пил,
В руку перо и в заоблачье взмыл.
И пишет, и пишет, и пишет борзо,
Рубит в капусту всемирное зло.

Конечно, взобравшемуся на олимп,
Потребен изящный светящийся нимб.
Требует статуса та голова,
Что денно и нощно, аки пчела

Со словом работает честно и смело,
Чтоб в уши народа оно залетело
И там бы застряло навеки, шурша
Той правдой нетленной, что классик-душа

Изрыгнул как из рог*а* изобилья.
Короче, писателю нужна идилья,
Которая, знаем мы все, состоит
Из похвал и елея, что любит пиит.

Толпа почитателей, что здесь скрывать,
Должна его творческий дух окружать.
Особенно здесь предпочтительны те,

Кто трепетно верен заветной мечте:

Писательску делу и слову, кто служит
Пусть сам бесталантен, но классика любит
В надежде на то, что отблески славы
Чело их осветят и тоже прославят.

Всегда прихлебателей было немало,
Кто к славе чужой без клеев прилипает.
Собрались они и вокруг корифея,
Могучего классика, слов чародея.

Кружатся роями, гудят и галдят,
О славе архонта глаголят, твердят.
К порогу его протоптали дорогу,
Которую топчат не к всякому богу.

Классик - душевный, он всех привечает,
И день ото дня его сила крепчает.
Из этих из самых писак-прихлебателей
Создал он свой союз воздыхателей.

Послушно внимают они указаниям,
Что классик дает им от высшего знания
Природы вещей и событий текущих,
Ничто не минет их ух вездесущих.

От умиления пред главным пером,
Собраньем «Союза» он был наречен
Профессором слова, борцом за свободу
И беззаветным слугою народа.

Не первому смертному слава великая,
Лесть беспардонная и многоликая

Сносила чердак, замутняла сознанье.
Такая уж участь, такое призванье

У тех, кто родился с задатками гения.
Сирены в экскорте и сладкое пение
Им обеспечены будут до гроба.
Нет тяжелее и уродливей горба,

Который ты, хочешь не хочешь, влачи.
Зубами скрипи, но терпи и молчи.
Классик спокоен, он понял давно
И с пользой прожить решил, что дано

Судьбою-злодейкой. - Буду я глуп,
Если фанфар звук, литавр, медных труб
Себе на потребу не применю
На радость, веселье, а не на войну.

Зачем мне противиться славе, почету,
Зачем мне сводить какие-то счеты
С чревоугодьем, гордыней и блудом?
Шашни водить и, дружить с ними буду.

Под звуки фанфар я буду плясать,
Под медные трубы пить-выпивать.
Не я буду славы бояться, она
Пускай избегает, коль хочет, меня.

Сказано сделано и литератор,
Чтоб не иссяк аккумулятор,
Тот, что талант его мощный питает,
Классик его иногда заряжает.

Кодлу своих почитателей дружных

Он собирает к себе, когда нужно.
Садит их вкруг большого стола,
И залихватская пьянка пошла.

Водка, винишко, коньяки рекой,
Щедр писатель, дифирамб только спой
Во славу его, не жалея гортани,
Будешь всегда ты и сытый и пьяный.

Ну, а коль с дури отмочешь не то,
Тут же получишь от мэтра в хайло.
Думай вперед, не лепи невпопад,
Дурень набитый, а попросту гад!

Классик сидит во главе, он в почете,
Слева клевреты, а справа поэты.
Ну, а напротив прозаики-смерды,
Что подпирают классика тверди.

После четвертого тоста иль пятого
Оду в честь классика-ниспровегателя
Бывших кумиров читателей скромных,
Отрок читает, хотя и безродый,

Но подающий надежды поэт,
Будущий классика верный клеврет.
Следом за юным поэтом стоит
В очередь баба, стареющий вид,

Коим подчеркнута бурная молодость,
Где н*е* была доблестью девичья кротость.
Сей факт не мешает ей голосом феи
Стих прочитать в честь сиречь корифея,

Так протекает собрание ровно,
В очередь гости рекут мудозвонно
Пока вдруг без признаков жизни на пол
Не рухнул дородный и мощный, как вол

Похабник-поэт. Он мгновенье назад
Выпятив грудь, оттопыривши зад
Скабрезный стишок собирался прочесть
Публике светской, но редкая смесь

Водки, портвейна, пива и виски
Вдарила в ноги и рухнул, не пискнув,
В обморок пошлых куплетов слагатель,
Пьяных застолий питух-завсегдатай.

- Проверки не выдержал, вон за порог! -
Гневно и грозно классик изрек.
- И никогда, чтобы не было более
В моих аппарт*а*ментах рыла свиного!

В нашей кумпании единомыслия,
Э-ка, напилася, рожа прокисшая!
Быстро ребятки, что потрезвей,
Выпхнули вон энту рожу взашей.

Так будни трудные в битве за слово
Классик промеживал междусобоями
Иль сабантуями, суть ведь не в слове,
А в том, что бушующей классика крови

Праздник был нужен хоть иногда.
Без праздника вовсе не жизнь, а беда.
Кроме того, он без ласки без женской
Жизни не мыслил и пр*е*любодейство

Являлось ему, дабы плоть возбуждать,
И чрез это свой дух укреплять,
Чтобы мужской его сути начало
В сереньких буднях вдруг не завяло,

Не подутухло, случай, ненароком
Да не сказалось на творчестве боком.
Плоть ведь мужицкая – духа мотор!
Так что за ней нужен крепкий надзор.

Лучше всего для подобных оказий
Девки нужны помоложе, поглаже,
Кровь с молоком и пышная грудь,
Чтобы не охнуть и не вздохнуть.

Случаи энти не часто бывают,
О том корифея агент только знает,
Когда в расписание девы стоят,
Когда ему стол заменяет кровать.

В день такой светлый, когда вечереет
Входит агент к корифею и греет
Классику словом заветнейшим ухо, -
«Пуф» - называется та заваруха.

- Что ж ты молчал-то весь день, вот, стервец
Быстро достань-ка мой мундирец
Белу рубаху и бабочку к ней
Ты подготовь, да давай поживей.

Время так дорого, мне ведь главу
Нужно, хоть сдохни, закончить к утру.
Знал бы я раньше про этот поход

Может бы днем завершил. Обормот!

И вот корифей под агента надзором
Стоит у дверей, где надпись узорная
Рисована красным твердой рукой:
«Придешь ты чужим, а уйдешь как родной».

Агент остается снаружи стоять,
А классик сдается страсти во власть,
В женских объятьях он пару часов
Прочь изгоняет из плоти бесов.

Настроивши плоть, дух подлечивши,
Выходит наружу, едва не свалившись
С крутого крыльца, но был подхваченный
Твердой агента рукой раскоряченной.

Идет классик к дому, дыша полной грудью.
Теперь за роман он спокоен, не трудно
Ему завершить его даже до сроку.
Вот так и живет он в гармонии с роком.

***

Душка наш классик, светоч, надежда!
Не знает о нем лишь последний невежда.
Берлинский же житель, надежду лелеет
Встретиться с мэтром в зеленой аллее,

Где часто гуляет основоположник,
Литературы народной заложник.
Герой настоящий, а не былинный.
Да будет примером путь его дивный!

Эпиграмма

на жюри по Премиям за искусство,
вручаемые нашим землякам
доктором Айсфельдом.

Есть у нашего Землячества
Удивительное качество
В тишине и полумраке
Охлобучивать земляков

Только солнышко за тучи
Вся компания - до кучи
Начинают толковище
О духовной вящей пище.

- Это нужный индивид,
Не перечит, не гундит.
Премию дадим ему,
Хоть не он писал «Муму».

Эта дама тоже наша
Уж такая вся – милаша!
Был я сней в командировке -
Поражен ее сноровкой...

Ну, а эту любит шеф,
С нею у нее гешефт,
И ее не наградить,
Значит папу рассердить.

Вот такой у нас вердикт.
Все согласны? Утвердить!
Один против? Пошел вон,
Недодепа, эпигон!

Ну, наконец!!!

Эпиграмма
на Е.З. и А.Е от А.П.

Карагандец,
полурусец,
полунемец,
полуеврей,
полумосквец,
полумудрец,
полупоэт,
большой
учености
клеврет,
в итоге –
наш
полупиз..ц
"Preisträgerin"
стала
наконец,
наш
Альфред
просто –
молодец,
всем
остальным,
кто

был
не
с
ним,
пришел
пипец,
пришел
капец,
Землячество -
всему
венец,
и,
кто
посмеет
нарушать
законы
нашенской
братвы,
тот
будет
бит –
увы,
увы,
тому
на
лоб
зеленкой
крест
мы
нарисуем
между
глаз,
сольем
мы

их
всех
в
унитаз
и
дружно
скажем
вы
говно,
вас
среди
нас
быть
не
должно.

***

Так успокойтися, халдеи,
У нас все схвачено,
И мы балдеем.
За все везде уплачено у нас.
Но не за вас.
Но не за вас.
А вы пигмеи, дуралеи.
Пусть снизойдет вам на умы -
Увы-увы-увы-увы...
И все ж, какие ж вы козлы!!!

Сказ об ученом муже

***

Читаю ученага мужа изыски
Историка славанаго, что стоит в списке
Средь мудрых, которых немного на свете,
Которые лучиком правды нам светят,

Что мы, то есть, немцы, что жили в России
Ее своим словом любви истребили.
Любили мы Бога и правду любили,
Стояли на том и власть теребили:

«Отдай нам свободу, пусти восвояси,
Не то мы те, власть, хайло разукрасим.
И власть испугалась и гикнулась тут же
И стали мы жить на свободе без нужды.»

Читаю историка, слеза аж закапала,
Как буд-то бальзам он мне в душу накапал.
Выходит, что я немчура недоделанный
С властью боролся и был такой смелый!

Куда Новодворской, куда ей позорной,
Что рыла под власть лопаткой саперной,
Под КГБ, под кремлевски струкуры.
Вот мы ей конкретно под дых саданули,

Когда заявили: «Не трогать баптистов,
Свободу хотим во всех ее смыслах!
Неправомерное ты государство,

Не будет от немцев тебе благодсрства!

Гражданское право отдай нам по праву,
Не то улетим мы на родину славну,
В Германию, то бишь, до демократии
Зачахнешь без нас ты в своей блядократии!

Нас не послушалась власть и накрылась,
Из тазика медного шайзем умылась.
Мы же, вернувшись в родные пенаты,
Живем хоть не в золоте, но в демократии.

***

А то, что «союзник» нам дышит в затылок,
И держит Германию он за обмылок -
Совсем не беда, демократия – это
Для наших историков, «правды» клевретов.

Басня
об идеологическом гангстере,
обуреваемом манией величия

Стремлене кого бы то ни было к власти над умамии других, желание всегда и во всем быть правым и, чтобы только за ним, имяреком оставалось последнее слово - не осуществимо. Запальчивость же и категоричность подобных субъектов, есть показатель незрелости личности.

***

Сгораемый страстью величья профессор,
Здравому смыслу враг и агрессор,
Доносов, стукачества главный начальник
Править пытается правду, охальник!

И ночью, и днем, и утром, и вечером
Месит он тесто премерзкое бесово.
Месит его, слепить чтобы горб
Жертве своей и загнать ее в гроб.

И закопать в могилу забвенья,
Чтобы его только вредное мненье
Было бы главным в среде обитанья,
Где славится злоба и поруганье.

Когда же устанет профессор-мудрец,
Когда он исслабится в злобе в конец,
Баба его эстафету злодейства
В руки свои без особо затейства

Берет без сомненья, и в свет производит
Такое!... Профессор и тот руками разводит:
- Мы столько лет вместе, столько лет рядом,
А ты у меня – ведь не хуже снаряда!

Действительно в склоках и мерзопаскудстве
Баба профессора много искусней?
Как не заметил, живя с нею годы,
В подруге профессор зловредной породы?

- Теперь будем вместе г*о*рбы лепить,
Нашим врагам на свете не жить!
Я наступаю, а ты прикрываешь
А я - боевущий, ты меня знаешь.

Теперь нашим недругам лишь удавиться!
Иль в водоеме зараз утопиться!
Помнишь, в гостях мы были у Шурры,
Кислым борщом накормила нас дура!

Ты, женка о ней в интернет напиши,
Что хуже борща, винигрета, лапши
В жисть мы не ели, ну просто блевота!
Спорить со мной у Шурры охота

Вмиг пропадет, и заткнется она.
Мне уже наша победа видна.
Если и дальше плечом ко плечу
Вместе пойдем мы, то только свечу

За упокой можно ставить врагам.
Я же тебя тоже в обиду не дам.
Не зря ж запятые всю жизнь расставляя
Достиг я вершины познанья, родная!

Вместе мы - сила, а, кроме того,
Есть у меня состав рядовой.
Эти болваны, ну, как истуканы,
Что не скажу, все делают рьяно.

Тот же редактор, который мне служит,
Бошку свернет - на кого укажу я.
Или внештатники, что при журнале,
Служат мне верно, ну как об.....ны.

В целом и в обчем в атаку идем.
Мы их усех в порошок изотрем,
По ветру развеем, докажем, что я -

Мудрости светоч и нет бытия

Без моих мудрых слов-указаний.
Что может баран без мово понуканья?
Короче, чтоб знали всегда и везде -
Правду таит мой журнал «О-ВЕ-ПЕ»!

Черт из табакерки

Вова Бес одеколоном
Хвост побрызгав, уши, роги,
Робке славному с поклоном
Вмиг явился и с порога:

- Вызывали? Я явился!!!
На хвосте я весь извился,
Ожидаючи приказа.
Кто у нас теперь зараза,

И к кому мне блошью прыть
На сегодня применить?
Приб... Понятно. Все исполню.
Вы работою довольны

Безусловно будете,
Потому как блудите
Вы давно, достопочтенный
Мой наставник незабвенный.

Блуд для нас – закон известный
Словоблудом быть прелестно...
Потому без лишних слов –
Честь имею, Блудослов!

Понял все, не надо дважды
Бес я умный и отважный.
Повторяю - не дурак
Извини, ведь я – варнак!

Я в округе нашей местной
Очень даже всем известный.
У меня любовница
Лида В.... – Смаковница!

Она у нас ударница!
Хотя чуток проказница.
А сними с нее узду...
Эту не пошлешь в ман...у.

Ты ее, профессор Блуд,
Дай в помощницы и тут
С ней я так наворочу –
Не сподобиться врачу

Излечить эту заразу...
Ах не это?! Скажи сразу,
Что мне делать, как мне быть,
Чтоб врагов твоих сгубить.

Понял все, теперь мне ясно –
Пукнуть там, где солнце ясно.
Сделать на мгновение
Солнечно затмение,

Плюнуть в энто чисто блюдо,
Здесь насрать при всех прилюдно,
В качестве отмщения
Обгадить помещение...

Блуд родимый, мой профессор,
Нет заданья легковесней.
Сделаю я все как надо
Прочь сомнения, комрадо!

Столько лет плечом к плечу
Гнусность, пакость молочу
Я с тобой самозабвенно
И считаю – это верно!

Всех мы сделаем как надо
Роги делаю закладом,
Бесовским хвостом клянусь,
Я ведь бесовская гнусь...

По европам с голым жопом

Журнал «ОВЕПЕ» - прекрасный журнал!
Об этом нам главный редактор сказал.
Редактор он – дока, редактор он – Дуб –
Нахватан, начитан, немножечко туп.

Для тех, кто не верит рекомендую
Мартовский номер прочесть насухую.
Выпить читатель, ты можешь, конечно,
Если «Кондратий» не хватит на месте,

Если сердечко читателя сдюжит,
Если его не рванет не скокужит,
Новое слово, что в публицистике
Дуб изобрел, подчиняясь стилистике

Наставника Скрипки, друга-учителя,
Правописания стража-воителя,
Главного цензора и инквизитора,
Незаменимого мага-предиктора.

В номере мартовском года грядущего
Пал жертвой неистовства некогда сущий
Бывший редактор. Он посрамлен
Теми, с кем вместе словесный бульон

Варил безмятежно в журнале указанном,
С кем вместе доселе хулил и проказничал.
Как в ощип кура попал он в опалу
Кровинке-дитяте, родному журналу.

Тандем дуболома и скрипки скулящей -
Могучий союз, союз борзовящий –
Раздел на глазах до самой до жопы
Редактора бывшего и по Европе

Отправил гулять без сомнения всякого,
Считая, что славно расправился с бякою.
Ни скрипке кондовой, ни дубу зеленому,
Предавшихся блуду словесному новому,

Никак в голову не идет мысль простая,
Что личность унизить нельзя даже стаей,
Что чести не будет ватаге гиен
Подранка сожравшей и, что это плен

Для мелких душонок. Не понимают,
Что блудом словесным себя раздевают
Они донага, до самой до жопы,
Позором являясь на теле Европы.

Торжество

Торжество есть торжественный случай.
Наконец, мы дождались его!
Повод есть нам собраться до кучи,
За народ «поболеть», за него.

Но вдали от него!

Торжество, торжество, торжество!
Случай, тот, что зовут – уникальным.
За единым столом с родимой братвой
Конференцию мы засандалим.

Но без вас!

От себя повторим это снова,
Задолбал, руссланддойче, ты нас!
Ты, народец, забудь это слово.
«Августовский указ» он - про вас.

Но - для нас!

Сколь гешефтов под этот «Указ»
Мы сварганили в прошлом столетье...
Сколько будет еще, и еще сколько раз
Мы вам скажем «Указ» - он про вас.

«Глюк» для нас!

Так зачем ты, народ, поднимаешь волну?
Ваш «Указ» есть для нас уникальный заказ!
Ну, поймите же нас - вас нигде не поймут.
Денег много у нас, но они не про вас.

Бабки - только для нас!

Задолбали вы нас своим жалким нытьем,
Мы так славно живем, сладко пьем и нутром
Презираем мы вас. Вам «Указ» - не указ.
Оставайтесь же там, где дал Сталин приказ.

Он был издан для вас!

Задолбали Рейхстаг вы и Кремль,
Волгу вам подавай непременно.
Полигон, что Бориска отдал с бодуна
Вам принять не достало ума.

Ах, у вас нет ума!

Мы назначили Магтенса вам в пастухи,
Но вы морду воротите нам вопреки.
Вам не нравится он - рылом, мол, недорос,
Мол, не немец он вовсе, а «юдмалоросс».

Но иного жулья в нас нэма!

Мы историков кучу собрали, что пишут
Вам историю, где мы согласные с мыслью,
Что«Указ» есть для вас избавленьем от мук
И, что Сталин для немцев первейший был друг!

В том есть истая суть!

Нет покоя от вас, задолбали вы нас,
Скажем мы вам без лишних прикрас:

Жили б дальше вы в вашей Караганде,
В Воркуте, на Таймыре и в Вологд*е*.

Что вам делать у нас?

Не спасет Фатерлянд ваши грязные души,
В большевистской грязи вы по самые уши.
И чего вы приперлись сюда - не понять,
В вашу душу, в железо и всякую мать!

ФРГ - не для вас!

ФРГ – сексуал-демократии светоч,
Гомосекам была и останется крышей.
И любая другая, кроме вас, нечисть
Нам милее, роднее, краше и чище.

Ждут в тайге только вас!

Сколько леса осталось в сибирских урманах,
Сколько угля в забоях, а в скважинах нефти?
Сколько места еще на лагерных нарах
И вас только нет на законнейшем месте.

Указанном Сталином месте!

Величавому Дубу гнилому - величавую песню поем

На Дубе кондовом,
Пустопорожнем

На самой вершине
Сидят два Беса.

Один Бес хвостатый,
А другой пейсатый.
Они побратимы,
Они – бесы-хваты.

Дуб велиречивый
Привечает бесов,
Гнусными словами
Посылает в лес их:

«Вы добычу-жертву
Для меня сыщите,
И гнилые соки
Во мне обновите.»

Один бес, что Вова,
Хвост задравши крикнул:
«Исполнять готов я!» -
С Дуба тут же спрыгнул.

Другой бес, что кличут
Шабесгоем Фицем,
Возбудился шибко
Разразился кличем:

«Знаю, где искать мне
Для тебя питанье,
Гриб, что растет буйно,
Дадим на растерзанье.

Мы тебе Дубинушка,
Вмиг его представим
Испечем и сварим
Будет пропитанье...»

Понеслись галопом
Бесы по дубраве,
Чтобы из гриба белого
Наварить отвару.

Гриб они сорвали,
Бросили в котел,
Дрова в огонь бросали,
Добавляли соль.

Долго колдовали
Бесы над котлом,
Пряность добавляли,

А потом весь ствол

Дуба оросили,
Стали поджидать -
Будет ли гнилушка
Силу набирать?

Силы не явились,
А пошел понос.
Вон как обернулось -
Дуб ущерб понес.

Благородной пищи
Дуб не перенес:
«Мухомор тащите,
Загрызи вас пес!»

***

Мухомор, известно,
Для гнилья милей.
Белый гриб несносен
Для трупных червей.

Басня

По европам с голым жопом

Журнал «ОВЕПЕ» - прекрасный журнал!
Об этом нам главный редактор сказал.
Редактор он – дока, редактор он – Дуб –
Нахватан, начитан, немножечко туп.

Для тех, кто не верит рекомендую
Мартовский номер прочесть насухую.
Выпить читатель, ты можешь, конечно,
Если «Кондратий» не хватит на месте,

Если сердечко читателя сдюжит,
Если его не рванет не скокужит,
Новое слово, что в публицистике
Дуб изобрел, подчиняясь стилистике

Наставника Скрипки, друга-учителя,
Правописания стража-воителя,
Главного цензора и инквизитора,
Незаменимого мага-предиктора.

В номере мартовском года грядущего
Обрушился Дуб на редактора сущего.
Пригрел же змею на груди у журнала
И от змеюки той терпит опалу.

Тандем дуболома и скрипки скулящей -
Могучий союз, союз борзовящий –
Разделал под корень отца-воспитетеля,
Назвав его в злобе чуть ли не татем.

Отправил к чертям без сомнения всякого,
Считая, что славно расправился с бякою.
Ни скрипке кондовой, ни дубу зеленому,
Предавшихся блуду словесному новому,

Никак в голову не идет мысль простая,
Что личность унизить нельзя даже стаей,
Что чести не будет ватаге гиен
Подранка сожравшей и, что это плен

Для мелких душонок. Не понимают,
Что блудом словесным себя раздевают
Они донага, до самой до жопы,
Позором являясь на теле Европы.

В нашей немецкой диаспоре завелась плесень, зовут ее журнал «овепе». Рассылаю свою басню, которая, может быть, эту плесень хоть как-то скокужит. Но надежд совсем мало. Слишком невменямая публика собралась в зловредную бесовскую кодлу, которая гадит и гадит, воняет и воняет, где не попадя. Есть опасность, что эта кодла-шобла может задохнуться в собственных нечистотах и тогда нам будет чего-то не хватать. Ведь к эпатажу привыкаешь, не правда ли?
Но, если безродные космополиты задохнуться в своем же говне – это будет справедливо и нам, немцам, дышать, несомненно, станет легче.

Александр Приб

Басня

Парад бесноватых

Бесы водят хороводы:
Кружат, кружат, кружат,
Замутить, чтоб чисты воды,
Превратить их в лужи.

Главный бес, по кличке Дуб
Дуболомит, горлопанит,
Создал мракобесов клуб,
И дурман там варит.

В круг помощники его,
В бубны, как шаманы,
Бьют, колотят – бесовье,
Что с них взять с баранов.

И профессор в шайке этой
Бесноватых научитель,
Хотя и с большим приветом,
Дуба преданный воитель.

Дуб, который главный бес,
Собирал команду годы,
Но зато каков кортеж
Из б*е*совской породы!

Вот, к примеру, шабесгой,
Фиц зовут. Речистый!
На его пути не стой
Шибко он говнистый.

Набирает говна в рот,
И плюет, зараза.
Тот, в кого он попадет
Отмоется не сразу.

Или Бес Вованя «славный» -
Черти прячутся, когда
Сеет он кругом отраву

Из помойного ведра.

С ними вместе ненавистник,
Всему доброму завистник
Карла Глистер незабвенный
Клон Джабаева нетленный

Ну, который был Джамбул
Ну, который стих загнул.
Карла Джаба переплюнул.
Он такое в мир засунул...

Баснописец, одним словом,
Да куда тому Крылову.
Бесовства в нем выше крыши,
Поутихли даже мыши.

***

Вот такая вот команда
Закружилась в исступленье.
Рычат бесы, видно гланды,
Навязать хотят нам мненье,

Что конец настал разумью,
Что они лишь только умны
Остальных же, что не бесы,
Срочно нужно всех повесить.

Пьедестал

Трагедия

О том, как пьедестал не дождался,
не обрел своего хозяина из-за великой смуты,
что произошла среди вождей
и вождишек нашего народа...

***

На высоком холме в зеленом лесу
Стоит пьедестал, как на посту.
Сумрачен, строг, величав, безмолвный
Камень базальтовый первопристольный.

Он не торопится, он терпеливый!
Переносит стоически холод и ливни.
Ни ветры, ни вьюги, ни даже морозы
Мало тревожат его д*и*вны грезы.

Лелеет сия каменюка надежды,
Что явится скоро в белых одеждах
К подножью великому некий герой
И встанет на камень твердой ногой.

Вождь сей базальтовой глыбе потребен,
Вождь, без которого он бесполезен.
Камень на то и стал постаментом,
Быть чтоб твердыней, быть фундаментом,

Славному витязю, верно служить,
А без вождя постаменту не жить.
Но годы проходят стоит одинок,
Каменной глыбой базальта кусок.

Не может никак понять пъедестал,
Что же случилось, куда же пропал
Главный, единственный, неповторимый
Воитель народный всеми любимый?

Каменной глыбе совсем невдомек,
Что нету вождя из-за драк, из-за склок,
Что меж собою люди поспорили
За место вождя перепалку устроили.

Каждый пигмей захотел стать вождем.
Этот кричит: «Я есть первый во всем!»
Тот, бороденку козлячью тараща,
Талдычит свое: «А чем же ты краще?»

Этот, с профессорской рожей на вид,
Словно ошпаренный тоже блажит:
«Я ль не умнее вас всех, дуралеев,
Мне званье «ученый» министр доверил!»

Четвертый от наглости этих засранцев
Стал заикаться и умер от транса!
Пятый, который сначала молчал,
Рот вдруг разинул и воскричал:

«Суки вы все, паразиты, уроды!!!
Я вас усех в могилу зарою!
Ведь кто, как не я один много лет
Держал перед боги и властью ответ

За вас идиотов, убогих кретинов,
Немытых, небритых сукиных сынов!
Ведь сами меня вождем избирали

А нонче вот взяли и обосрали!?»

«Полно, скотина, не ври нам, паскудный,
Как ты нас предал, мы век не забудем:
Помнишь на съезде ты с наглою рожей
На х... послал нас вместе с Сережей!»

Нету пророков в отечестве родном.
Может купить нам людей благородных
За окияном в далеких земл*я*х,
Иначе постаменту нашему крах...

Но, вот однажды из этой толпы
Голос разумный раздался: «Браты,
Особое мнение есть у меня –
Сделаем сами себе мы вождя:

С каждого буде вождя-претендента
Брать мы для нашего эксперимента
Мозга грамульку, амбиций кусочек,
Ген от таланта, ген от всех порочих.

Все это в колбе научной замутим
И в центрефуге большущей закрутим.
Перемешавши, мы все перетрем,
Обзаведемся супервождем.

Будет наш вождь коллективный разумный,
Кончаться споры, драки безумные,
Мы его вместе на холм взволочем,
Мирром намажем и наречем

Колоссом, вожденародным героем!
Этим позор разногласий мы смоем

С тела уставшего, с лика народного,
Править начнем дела благородные.»

Задумались наши пигмеи-вожди,
Чешучи репу, включили мозги:
«Что это нам предлагает, варнак,
Что он задумал, ну, как это так?

Видимо сам в вожди навострился
Вот ведь, скотина, хотя бы побрился!
Мнит из себя Пиночета, наглец,
Новоявл*е*нный народу отец...

Энтого мы никогда не позволим,
Не отдадим свои важные роли,
Дело святого движенья народа
В руки какого-то худо-дорода.»

Бьются и дальше вожди в рукопашной,
Будь то день солнца, будь он ненастный.
Им и не сниться покой-примиренье.
По разным вопросам - разные мненья

Наши вожди имеют в башках,
Не понимая, что в них вертопрах
Завелся давно и давно так резвясь
Душит их души, разум и страсть.

***

Время идет, постамент разрушается
Плеснью покрылся, стоит неприкаянно
Ждет не дождется вождя от народа
В стужу, в жару, в любую погоду.

Вряд ли дождется, поскольку вожди
Бороды выдрав, не могут бразды
Про меж собою никак поделить:
Кому в монументе бетонном застыть.

Иль может тщеславье, гордыню и чванство -
Главные наших пороков убранства -
Сможем мы все же в себе подавить,
Чтоб постамента достойными быть!?